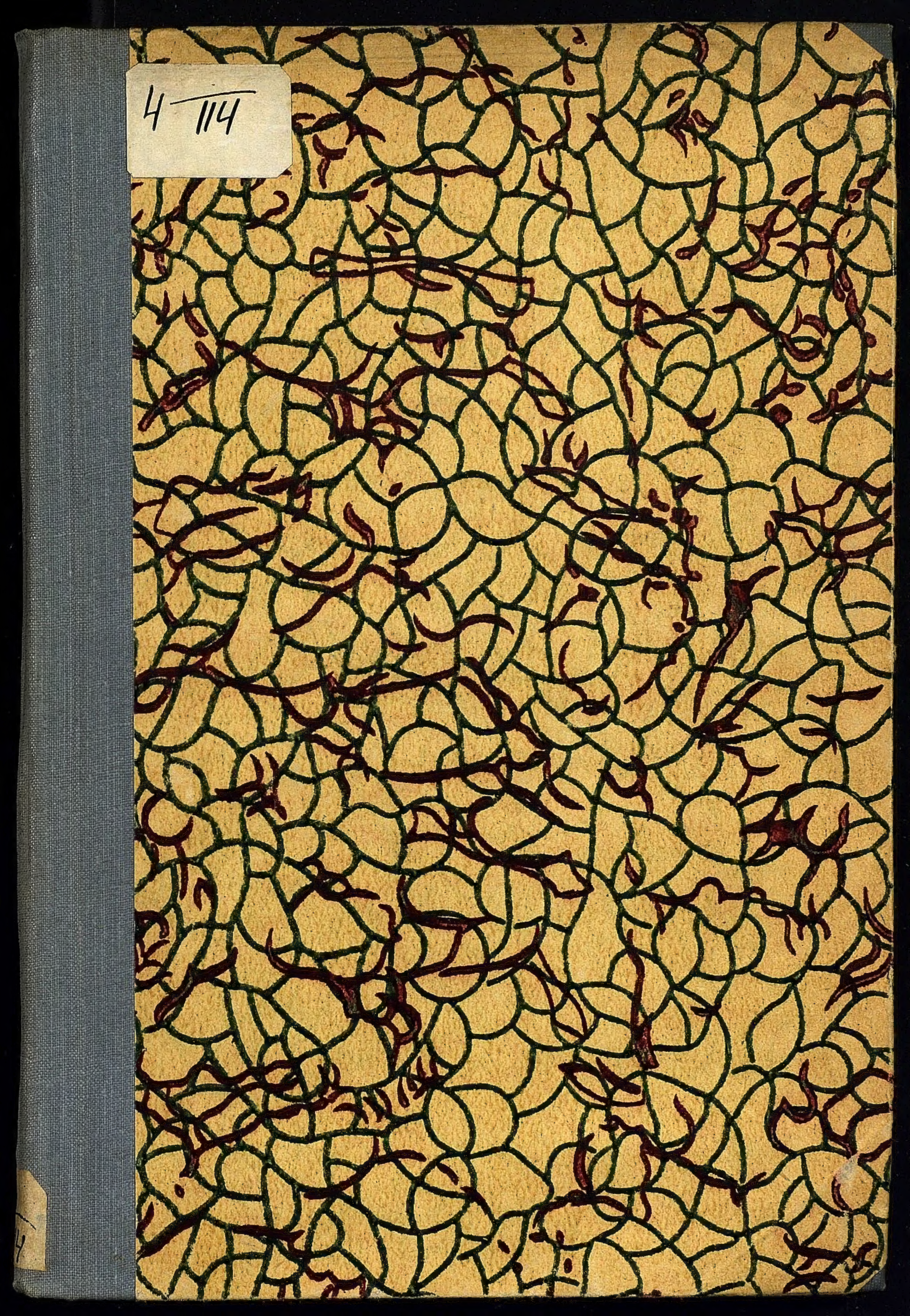
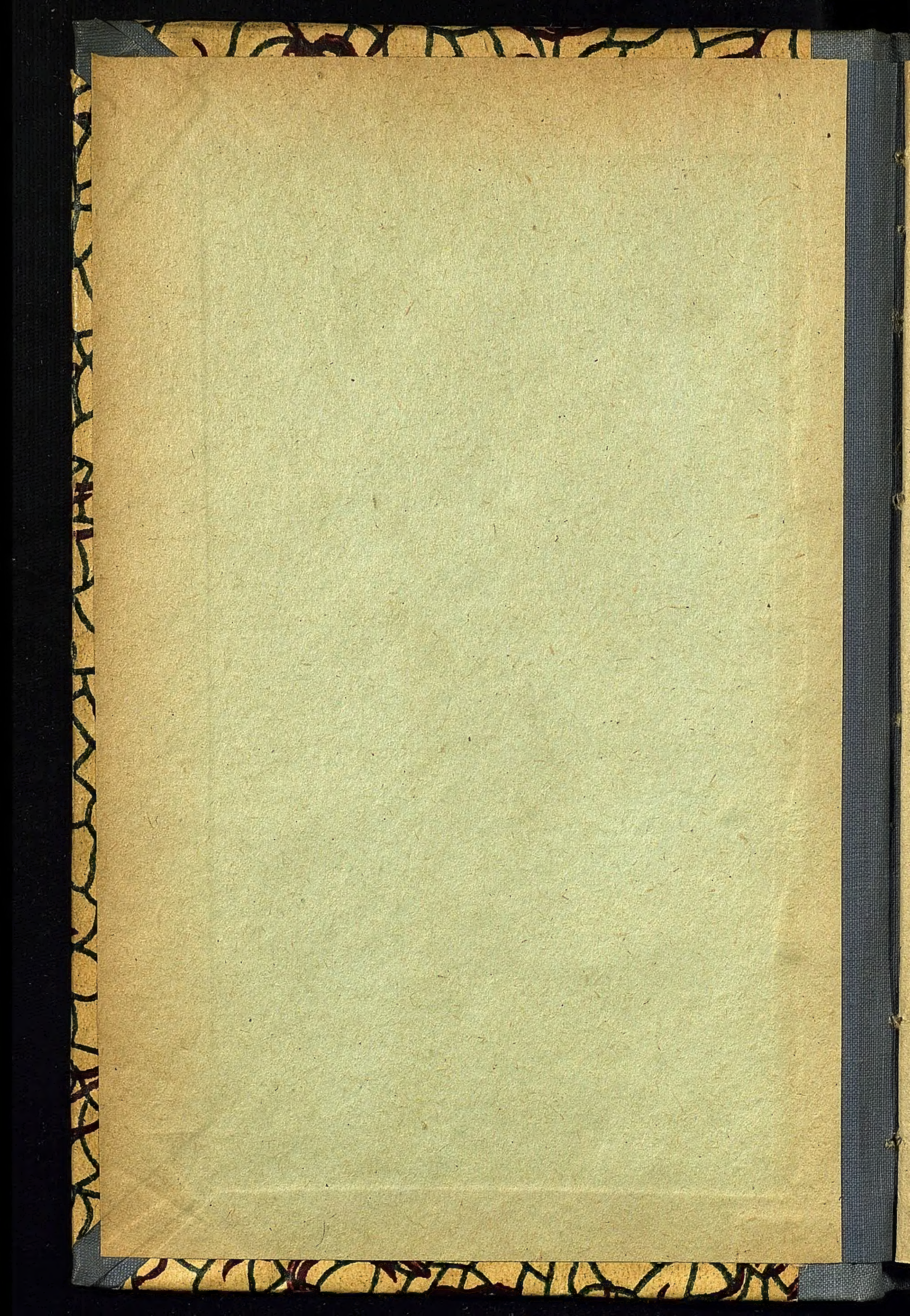
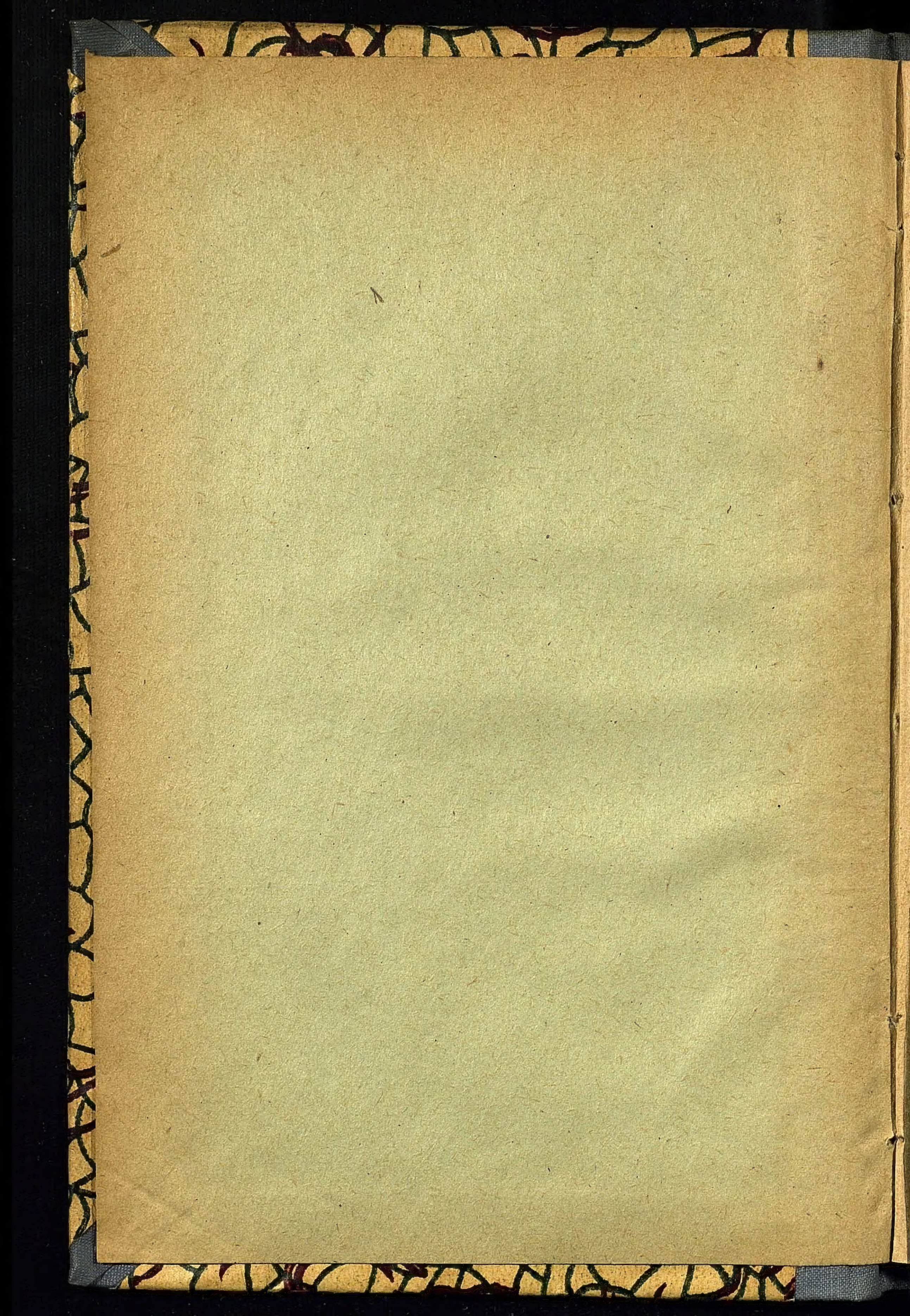

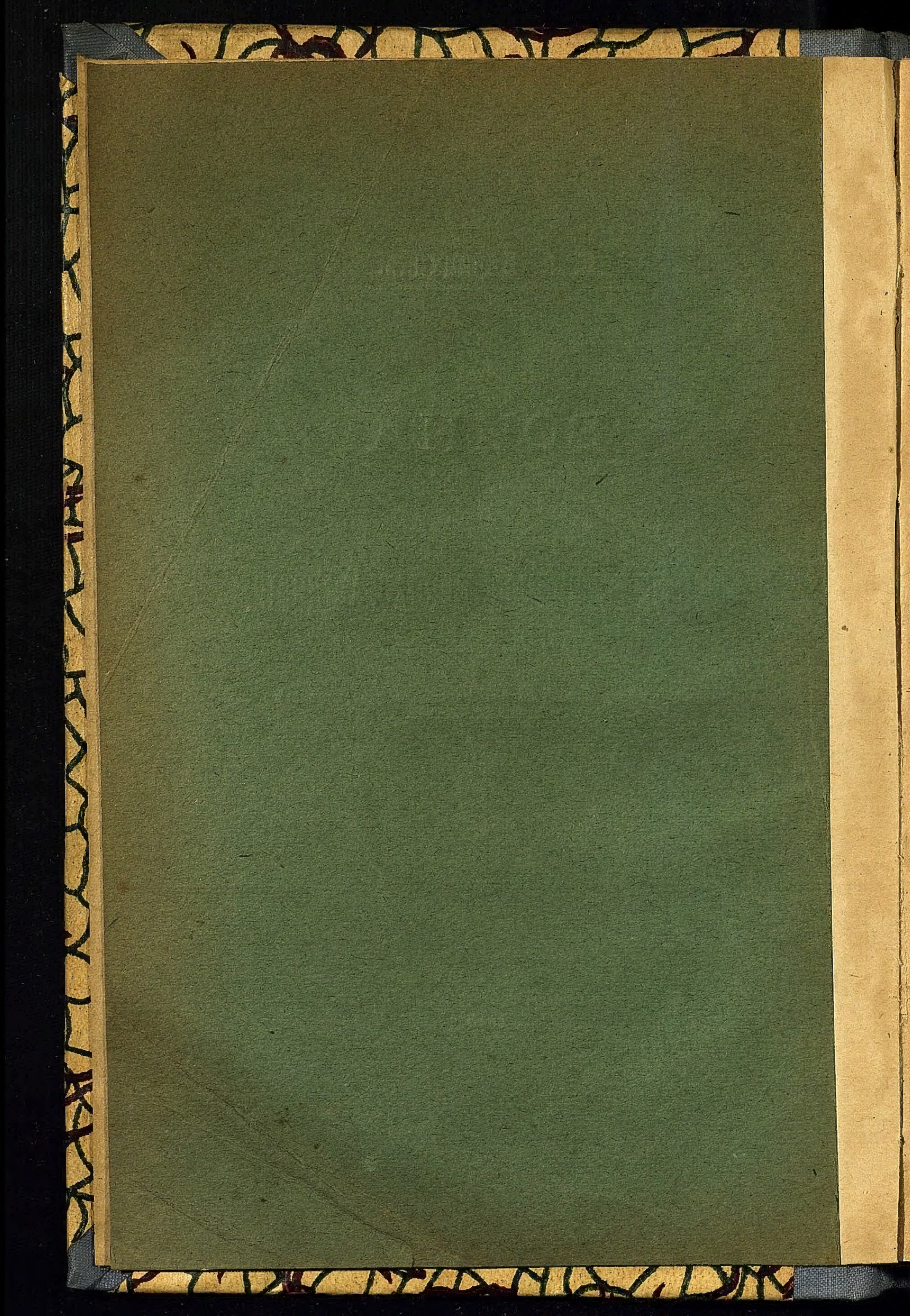

С. А. Бѣляцкинъ.

ВОЙНА
и
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ.

Къ вопросу о возмѣщеніи населенію убытковъ отъ военныхъ дѣйствій.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія т-ва „Общ. Польза", Б. Подъяч., № 39.
1915.

С. А. Бѣляцкинъ.

ВОЙНА

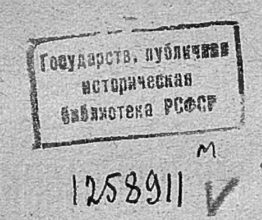
и

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ.

Къ вопросу о возмѣщеніи населенію убытковъ отъ военныхъ дѣйствій.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія т-ва „Общ. Польза", Б. Подъяч., № 39.
1915.

Часть первая:

Доклад, читанный въ Петроградѣ 15-го мая

не носило и не могло носить планомѣрнаго характера уже по той причинѣ, что частныя права вообще не ставились государствомъ на надлежащую высоту, на ту высоту, которой они сумѣли достигнуть въ нынѣшнія эпохи.

*

100

ч

Часть первая:

Докладъ, читанный въ Петроградѣ 15-го мая 1915 г.

Всякій разъ, когда на наше отечество обрушиваются крупныя потрясенія, когда признается необходимымъ особое напряженіе силъ и средствъ, когда направляются всѣ стихіи власти и мощи противъ нависшей опасности, возникаетъ вопросъ о матеріальномъ удовлетвореніи лицъ, которыя дѣлаются невольными и невинными жертвами этихъ необычайныхъ и судорожныхъ движеній громады, именуемой государствомъ.

Въ прежнее время вознагражденіе частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ такихъ государственныхъ переживаній, какъ война и пр., не носило и не могло носить планомѣрнаго характера уже по той причинѣ, что частныя права вообще не ставились государствомъ на надлежащую высоту, на ту высоту, которой они сумѣли достигнуть въ нынѣшнія эпохи,

*

при широкомъ развитіи представленія объ автономной личности гражданина въ государствѣ. Абсолютный европейскій монархъ выбрасывалъ иногда что-либо на возстановленіе хозяйствъ, разрушенныхъ войной или иными государственными бѣдствіями, но дѣлалъ это не въ сознаніи своей обязанности, а изъ милости, чаще всего изъ желанія быть популярнымъ и благословляемымъ.

Въ Россіи бывали случаи возмѣщенія обывателямъ «военныхъ» убытковъ, но до выработки какой-либо системы и принциповъ государственнаго вознагражденія оказывалось всегда очень далеко. Давались «крохи», давались съ опаской и осторожностью, дабы получающихъ не обуяла гордыня притязаній, дабы они не возомнили, что это ихъ право, что они могутъ чего-то требовать отъ государства...

Въ началѣ прошлаго вѣка были учреждены, по Высочайшему повелѣнію, Комитеты въ г. Вильнѣ и уѣздахъ для выдачи денежныхъ суммъ населенію мѣстностей, занятыхъ непріятелемъ: суммы назначались въ видѣ «пособій», хотя и «по мѣрѣ потерь». Въ 1813 г. было создано въ Москвѣ, по иниціативѣ Верховной власти, учрежденіе, наименованное: «Комиссія, учрежденная для строеній въ Москвѣ». Въ пользу этой Комиссіи было отпущено пять милліоновъ рублей. Цѣлью ея было возстановленіе зданій въ Москвѣ, разрушенныхъ по военнымъ обстоятельствамъ.

Пострадавшіе въ движимомъ имуществѣ также не оставлены были безъ вознагражденія, по особой милости правительства. Государственно - благотворительные Комитеты учреждены были въ Новороссійскомъ краѣ и въ эпоху Крымской кампаніи. Въ русско - японскую войну пострадали главнымъ образомъ чины пограничной стражи, дружинники, а также нѣкоторыя торгово-промышленныя заведенія, особенно имѣющія свои отдѣленія въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ. Высочайше утвержденное 8 іюня 1906 г. «Совѣщаніе для разрѣшенія вызванныхъ обстоятельствами русско-японской войны претензій къ казнѣ, не предусмотрѣнныхъ дѣйствующимъ законодательствомъ», имѣло въ своемъ разсмотрѣніи 36.290 отдѣльныхъ требованій на сумму 41.289.971 р., изъ которыхъ удовлетворено было претензій на сумму 3.134.434 р. Поступали дѣла въ Совѣщаніе или по непосредственнымъ просьбамъ, или съ особаго каждый разъ Высочайшаго соизволенія, и была дѣятельность этого Совѣщанія отраженіемъ все тѣхъ же старыхъ взглядовъ о государственномъ вспоможеніи, государственной филантропіи. Претензіи трактовались, какъ «обращенныя къ правительству ходатайства о воспособленіи изъ казны по случаю понесенныхъ просителями непосредственно по обстоятельствамъ времени имущественныхъ утратъ». Вознагражденіе признавалось необходимымъ «въ интересахъ какъ самихъ про-

сителей, пострадавшихъ отъ войны, такъ равно и государства» [1]).

Вновь выдвинутъ былъ вопросъ о государственномъ возмѣщеніи въ эпоху чрезвычайныхъ внутреннихъ событій 1905—1906 г.г., когда власти въ борьбѣ съ народными волненіями прибѣгали къ воинской силѣ во многихъ городахъ и даже въ сердцѣ Россіи—Москвѣ, причемъ артиллерійскому обстрѣлу подвергались дома, въ которыхъ предполагалось сокрытіе опасныхъ для правительства лицъ и пр. Пострадавшіе отъ этихъ дѣйствій невинные и непричастные обыватели претендовали на соотвѣтствующее денежное возмездіе, исходя изъ того, что никто не можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему права безъ закона. Но съ кого и какъ требовать? Были такіе, которые находили, что идея государственнаго вознагражденія не чужда дѣйствующему праву, что для этого не требуется изданіе новыхъ законовъ, что въ нашихъ гражданскихъ законахъ можно найти указаніе на обязанность государства возмѣстить подобнаго рода вредъ, причиненный частнымъ лицамъ. Эту, именно, мысль отстаивалъ, между прочимъ, членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ въ своемъ докладѣ, представленномъ Петроградскому Юридическому

[1]) Отчетъ о ходѣ и результатѣ дѣятельности Высочайше утвержденнаго 8 Іюня 1906 г. Особаго Совѣщанія, стр. 9. См. также Объяснительную Записку Экономическаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ по проекту новаго закона, стр. 6 и сл.

Обществу [1]). В. А. Маклаковъ доказывалъ, что ст. 574 X т. 1 ч. даетъ достаточное основаніе для возложенія на казну денежной отвѣтственности за лишеніе кого-либо правъ, ему принадлежащихъ, правомѣрнымъ распоряженіемъ власти, если только это не тѣ убытки, которые по закону относятся къ разряду невознаградимыхъ. Въ основаніе своего доклада В. А. Маклаковъ положилъ судебное дѣло, по иску Шмидта къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ за уничтоженіе имущества истца войсками во время подавленія вооруженнаго возстанія въ Москвѣ въ 1905 г. Горячо отстаивалъ свой взглядъ г. Маклаковъ, но, замѣтимъ тутъ же, съ этимъ взглядомъ не согласились ни низшая инстанція, ни Правительствующій Сенатъ: дѣло было признано не подлежащимъ судебному разсмотрѣнію, за отсутствіемъ спора о правѣ гражданскомъ, хотя, правда, самый вопросъ о правѣ на вознагражденіе оставленъ былъ открытымъ Сенатомъ, сведшимъ все дѣло къ процессуальной проблемѣ [2]). Во внесенномъ въ Государственную Думу законопроектѣ о гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ вопросъ о государственномъ вознагражденіи совершенно не затронутъ, по понятной причинѣ: проектъ касается только неправильныхъ, неправомѣрныхъ дѣй-

---

[1]) „Право“, 1910 г., № 49.

[2]) См. „Вѣстникъ Гражд. Права“, 1913 г., № 2, стр. 128 и сл.

ствій должностныхъ лицъ, «правильныя» же дѣйствія гражданскихъ и военныхъ властей, причинившія кому-либо ущербъ, исключены были изъ поля зрѣнія составителей проекта. Не возбудилъ этого вопроса, насколько намъ извѣстно, никто ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ, при обсужденіи этого проекта, не получившаго до сихъ поръ санкціи закона.

Эпоха послѣднихъ 10—12 лѣтъ, всколыхнувшая поверхность нашей политической жизни, оказалась не въ состояніи дать столь нужный обществу и государству законъ о государственномъ вознагражденіи: печальной памяти японская война, сама по себѣ, вообще не затронула экономическихъ и правовыхъ глубинъ русскаго быта; послѣдовавшая же затѣмъ полоса реформъ многія правовыя проблемы только смутно намѣтила, не давъ имъ ни разрѣшенія, ни оформленія.

И лишь нынѣшняя могучая война, безпримѣрная въ исторіи народовъ въ прошломъ и, надо думать, въ далекомъ будущемъ, подымающая во весь ростъ крупные и яркіе вопросы публичнаго и частнаго права, выковывающая съ новой силой въ сознаніи народа мысль о великомъ значеніи въ государствѣ личности и ея правъ, политическихъ и матеріальныхъ, можетъ создать надлежащую почву для правильной постановки возмѣщенія вреда и убытковъ, связанныхъ съ осуществленіемъ государственныхъ цѣлей и интересовъ.

Вполнѣ естественно, что въ переживаемое нами историческое время помыслы сосредоточены на законѣ, касающемся спеціально «военнаго» вознагражденія. Рѣчь идетъ только объ одной изъ составныхъ частей общей задачи государственнаго вознагражденія, но, несомнѣнно, самой существенной, и правильное ея разрѣшеніе имѣло бы огромное значеніе для судебъ всего вопроса. Основныя начала, въ которыя выльется новый законъ о возмѣщеніи причиненныхъ войною убытковъ, могли бы, при извѣстныхъ условіяхъ, явиться устоями для будущаго всего института. Понятно, какой живой интересъ вызываютъ къ себѣ работы по созданію этого закона, какъ внимательно и зорко слѣдятъ за ходомъ этихъ работъ. Но—и это стоитъ на первомъ планѣ—здѣсь замѣшаны, такъ сказать, кровные интересы минуты, здѣсь рѣшается правовая участь безчисленнаго множества лицъ, обращающихъ свои чаянія, требованія и надежды къ законодателю...

Да будетъ позволено коснуться, въ общихъ чертахъ, назрѣвшей проблемы и подѣлиться нѣкоторыми замѣчаніями по животрепещущему вопросу, не сегодня-завтра подлежащему окончательному разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для правильнаго разрѣшенія вопроса о государственномъ

вознагражденіи необходимо разъ навсегда усвоить, безъ экивоковъ и колебаній, вполнѣ искренно и отчетливо, что, въ концѣ концовъ, представляетъ собою это вознагражденіе: является ли оно дѣйствительно актомъ государственнаго благотворенія или же оно— право гражданина,—и, въ послѣднемъ случаѣ, выяснить сущность этого права и то, какъ оно должно отстаиваться и защищаться.

Нельзя отрицать, что обосновать вполнѣ точно правовой характеръ государственнаго вознагражденія—задача для юриста не изъ легкихъ. Существуетъ мнѣніе, что между государствомъ и потерпѣвшимъ отъ его дѣйствій устанавливается частно-правное отношеніе, обусловливающее чисто гражданское притязаніе, подобное другимъ гражданскимъ правамъ. Обязанность государства основывается, по этому мнѣнію, какъ уже вскользь упоминалось выше, даже на 574 ст. X т. 1 ч., гласящей: «Какъ по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, то всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненный кому-либо вредъ или убытки съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой производятъ право требовать вознагражденія»,

При этомъ однако забываютъ, что ст. 574, какъ и прочія статьи гражданскихъ законовъ о возмѣщеніи вреда и убытковъ, касаются частныхъ лицъ, а не государства, что наряду

съ этими лицами можетъ стоять казна, какъ субъектъ хозяйственныхъ отношеній, но не государство—въ качествѣ представителя власти и верховенства, что отношеніе государства къ гражданину опредѣляется по особымъ началамъ, не укладывающимся въ рамки обязательства одного лица къ другому, Иванова къ Петрову. Если обратиться къ источникамъ 574 ст. X т. 1 ч., обыкновенно приводимой у насъ въ подтвержденіе недопустимости недолжнаго обогащенія, то окажется, что въ основѣ этой статьи лежатъ сепаратные указы Императора Петра Великаго и послѣдующихъ правителей Россіи о поединкахъ и сатисфакціи, о частныхъ обидахъ и ущербахъ [1]). Не можетъ быть и рѣчи о распространеніи силы этихъ указовъ на притязанія гражданина къ государственному единству, на случаи возмѣщенія вреда, причиненнаго индивидууму государствомъ. Казна, отвѣчающая regulariter по хозяйственнымъ операціямъ государства, которое выступаетъ въ этомъ случаѣ въ роли приватнаго обладателя имущества и имущественныхъ правъ (по управленію государственными имуществами, по подрядамъ и поставкамъ), беретъ на себя иногда отвѣтственность и по искамъ за неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ, по управленію. Въ этой послѣдней категоріи дѣлъ юриди-

[1]) Указъ 1716 г. Марта 30, стр. 147, 1720 г., Января 13 и пр. См. мое „Возмѣщеніе моральнаго вреда", 1913 г., стр. 30 и сл.

ческій status фиска конструируется, не безъ натяжки, какъ положеніе хозяина, отвѣтствующаго за дѣйствія служащихъ.

Какъ бы то ни было, эта отвѣтственность отнюдь не выводится изъ какихъ-либо общихъ положеній: она существуетъ лишь при наличности прямого закона, по разнымъ соображеніямъ, весьма сложнаго свойства, ее создающаго. Государственное вознагражденіе лежитъ въ иной плоскости. Рѣчь идетъ уже не объ обязательственныхъ отношеніяхъ между государствомъ и обывателемъ касательно возможныхъ эксцессовъ со стороны поставленныхъ государствомъ должностныхъ лицъ, въ нарушеніи закона отнюдь не могущихъ претендовать на привилегіи сравнительно съ частными лицами, а о такихъ актахъ, которые относятся къ самому осуществленію государствомъ своей власти, къ достиженію имъ прямыхъ своихъ цѣлей. Здѣсь область не только частныхъ, но и публичныхъ отношеній.

Однако, если нельзя отнести государственное вознагражденіе къ семьѣ простыхъ гражданскихъ правъ, то, съ другой стороны, чувство элементарнаго правосознанія не позволяетъ считать его формой государственной благотворительности.

Понятіе «государства» существуетъ не гдѣ-либо на абстрактныхъ высотахъ, а въ повседневной человѣческой жизни, съ ея движеніемъ и развитіемъ, борьбой интересовъ, обогащеніемъ однихъ и обѣдненіемъ другихъ.

Въ видахъ смягченія суровыхъ послѣдствій экономическаго и соціальнаго оборота для весьма многихъ, государство принимаетъ на себя порою заботу о поддержаніи тѣхъ, которые выбрасываются за бортъ колесомъ фортуны. Тутъ-то и сказывается чисто-благотворительная дѣятельность государства. Таково государственное призрѣніе нищихъ, инвалидовъ и т. д. Какъ извѣстно, въ широкомъ масштабѣ вводились подобныя мѣропріятія въ послѣднее время во Франціи и въ Англіи. Эти мѣры могутъ распространяться на разоренныхъ и обнищавшихъ отъ разныхъ дѣйствій и причинъ, въ томъ числѣ и отъ войны. Но даже и въ этомъ отношеніи государство руководствуется не столько нравственными соображеніями сердобольной помощи ближнему, человѣческой справедливостью, сколько требованіями безопасности и спокойствія, «предупрежденіемъ и пресѣченіемъ». Что же касается вознагражденія лица, у котораго ради достиженія государственныхъ цѣлей отняли или уничтожили домъ либо другое имущество, то трактовать въ этомъ случаѣ о филантропіи государства—значитъ извращать всѣ перспективы, всѣ наши представленія о правѣ и морали. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ институтомъ, заключающимъ въ себѣ оттѣнокъ права. Это право не чисто-гражданское и не чисто-публичное, а нѣчто среднее, можно сказать, особаго рода публично-частное право.

Оно — публичное потому, что притязаніе обращается къ государству въ качествѣ носителя власти и верховенства, оно—частное, поскольку касается неоффиціальныхъ отношеній гражданина къ государственному единству, какъ таковому, а сферы гражданскихъ правъ и имуществъ, и зависитъ въ своемъ осуществленіи исключительно отъ воли его обладателя.

Если какое-либо право можетъ претендовать на названіе sui generis, то больше всего присуще это наименованіе праву обывателя на государственное вознагражденіе.

Съ теоретической точки зрѣнія, отнесеніе этого права къ опредѣленному типу существующихъ правъ весьма нелегко, но едва ли и важно, особенно при происходящемъ въ настоящее время обезцѣненіи самой системы классификаціи правъ и при давно уже признанной трудности, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и полной невозможности разграниченія между публичными и частными правоотношеніями гражданина къ государству и фиску [1]).

Съ другой стороны, врядъ ли имѣетъ серьезное значеніе указаніе юристовъ на то, что „современное государство стоитъ надъ правомъ и потому нельзя утверждать, чтобы при какихъ бы то ни было условіяхъ на верховной государственной власти лежала юри-

[1]) См. Wach, Handbuch d. deutschen Zivilprozessrechts, B. I, 1885, S. 77 ff.

дическая обязанность нести отвѣтственность за что бы то ни было» [1]. Для насъ важно, что фактически подобнаго рода обязанности государства существуютъ и признаются, вопросы же конструктивные въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, остаются на второмъ планѣ и рѣшающаго значенія не имѣютъ. Государство можетъ, конечно, отвергнуть ту или иную свою юридическую обязанность, имъ же установленную, какъ можетъ оно отвергнуть общую отвѣтственность казначейства по хозяйственнымъ сдѣлкамъ, но этимъ оно становится на путь фактовъ и произвола, выходя изъ круга правовыхъ организацій.

Въ настоящее время мысль о юридическомъ характерѣ государственнаго вознагражденія проникаетъ и просачивается въ сознаніе общества, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Во Франціи еще законъ 6 сентября 1871 года, опредѣляя вознагражденіе пострадавшимъ отъ военныхъ столкновеній, говорилъ о выдачѣ «наиболѣе нуждающимся жертвамъ войны», «сообразно суммѣ, которую состояніе государственнаго казначейства позволитъ посвятить на возмѣщеніе». Нынѣшній французскій финансовый законъ 6 декабря 1914 г. трактуетъ уже о «правѣ на возмѣщеніе убытковъ отъ военныхъ дѣйствій». Французскій парламентъ исходилъ изъ того, что идея на-

---

[1]) Н. Лазаревскій, Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами, 1905 г., стр. 308.

ціональной солидарности требуетъ, чтобы всѣ бѣдствія, причиняемыя вторгнувшейся непріятельской арміей, были полностью вознаграждены, что «во всякомъ случаѣ принципъ національнаго долга долженъ быть провозглашенъ» [1]). Какъ удостовѣряется авторитетными источниками, такой же законъ о правѣ на вознагражденіе изданъ недавно и въ Германіи. Эти законы, долженствующіе поднять духъ и бодрость населенія, его вѣру въ торжество права и государственной справедливости въ такія важныя историческія минуты, спѣшно восполняютъ пробѣлъ европейскаго права, замѣчавшійся и въ прежнее время, всплывшій съ особой силой въ дни исключительнаго напряженія культурныхъ и экономическихъ силъ народовъ. Никакія ссылки на несвоевременность, никакіе отводы и возраженія не въ состояніи остановить общество въ его пламенномъ стремленіи къ правовому обезпеченію жертвъ, лишившихся своего достоянія ради государственной пользы и государственныхъ достиженій [2]).

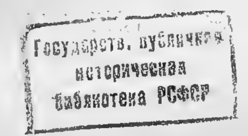
1) L'Economiste Français, 12 Decembre 1914, p. 588, Записка Экономич. Совѣщ. при Гос. Сов., стр. 14.

2) Особо стоитъ одна Англія, которая, по своимъ историческимъ, бытовымъ и государственнымъ особенностямъ, не можетъ быть въ данномъ случаѣ примѣромъ. Въ Англіи не проводилась никогда разница между должностными и частными лицами въ отношеніи возмѣщенія убытковъ (Hugh Fraser, A Compendium of the Law of Torts, 1907, p. 17—21). Объ отвѣтственности самого государства вопросъ не подымался. The King can do no wrong — таковъ девизъ англійскаго права, при чемъ подъ „королемъ" разумѣется здѣсь государство, которое не можетъ быть привлечено къ

Глубокій и прочный подпочвенный грунтъ, важныя государственныя и соціальныя начала лежатъ въ основѣ права гражданина требовать, при извѣстныхъ условіяхъ, вознагражденія за ущербъ, причиненный ему государствомъ и государственной дѣятельностью, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Право это и корреспондирующая ей обязанность государства—естественный результатъ государственнаго существованія, сводящагося не только къ обычнымъ проявленіямъ организованнаго общенія, но и полнаго неизбѣжныхъ толчковъ и эксцессовъ. Вредные результаты послѣднихъ не могутъ быть переложены на плечи отдѣльныхъ гражданъ: ихъ должно взять на себя государство. Въ частно-правовыхъ отношеніяхъ всякій отвѣчаетъ за зло, причиненное при отправленіи своей хозяйственной и личной дѣятельности, развѣ бы привмѣшалось такое чрезвычайное, исключаюшее отвѣтственность обстоятельство, которое превосходитъ мѣру требуемаго отъ индивидуума осторожности и профессіональнаго риска [1]. Этотъ критерій не приложимъ къ

судебной отвѣтственности ни за вредоносныя послѣдствія своей дѣятельности, ни за эксцессы и неправильности своихъ властей и агентовъ,—Laferière, Traité de la jurisdiction administrative, 1896, t. I, p. 114. Система эта совершенно не соотвѣтствуетъ духу континентальнаго права, по справедливому замѣчанію Laferière'a. Возможно, что обстоятельства нынѣшней войны не останутся въ этомъ смыслѣ безъ вліянія и на Англію.

[1]) См. объ этомъ, между прочимъ, статью Т. Яблочкова, Понятіе непреодолимой силы, Юридическія Записки, 1911, в. II—III.

государству, существо дѣятельности котораго сводится часто къ причиненію лишенія однимъ для пользы другихъ и цѣлаго. «О законодательномъ опредѣленіи—замѣчаетъ Stengel—которое обязывало бы государство возмѣщать всякій вредъ, причиненный третьимъ лицамъ при правильномъ осуществленіи публичной власти, не можетъ быть и рѣчи; подобный принципъ былъ бы несовмѣстимъ съ понятіемъ суверенитета государства... Было бы униженіемъ идеи государства, ущербомъ для чувства солидарности и поощреніемъ торгашевскаго корыстолюбія, если бы отдѣльному лицу за всякую жертву, которую онъ долженъ принести въ интересахъ общества, и за всякое ограниченіе въ его правовой сферѣ давалось вознагражденіе» [1]). Во всемъ этомъ много правды, однако въ особыхъ случаяхъ можетъ и должна имѣть мѣсто сатисфакція за подобнаго рода лишенія. Случаи эти опредѣляются чрезмѣрностью причиненнаго вреда, сравнительно съ нормалными требованіями, предъявляемыми къ лицу государствомъ. Современная государственная организація исходитъ изъ принципа равнаго распредѣленія обязанностей и обремененій между всѣми гражданами. Когда государственный механизмъ обрушивается на кого-либо, причиняя ему исключительныя потери, по исключи-

[1]) Цитируется по статьѣ В. Гагена, Объ отвѣтственности государства за дѣйствія должностныхъ лицъ, Вѣст. Права, 1903 г., кн. 6, стр. 7.

тельному поводу,—то, что не причиняется другимъ въ нормальномъ порядкѣ, должна существовать увѣренность, что за излишекъ взятыхъ благъ государство расплатится не хуже частнаго лица или учрежденія. Чрезвычайныя жертвы, налагаемыя государствомъ, послѣднее соотвѣтствующимъ образомъ компенсируетъ—вотъ одно изъ нынѣшнихъ культурно-правовыхъ началъ.

Изданіе новаго закона, на пользу и выгоду всего государства, часто весьма ощутительно поражаетъ интересы тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ, но можетъ ли быть признано за ними право на компенсацію? Можетъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно при особой чувствительности удара, спеціальномъ характерѣ закона и поражаемаго имъ права и т. д. Самый законъ устанавливаетъ обычно и удовлетвореніе, при молчаніи закона по этому поводу пострадавшимъ приходится утѣшаться, что они несутъ жертвы для общаго дѣла, ни на что болѣе разсчитывать они не должны.

Теорія права работаетъ надъ созданіемъ понятія «пріобрѣтенныхъ правъ», покоющихся на особомъ, конкретномъ основаніи пріобрѣтенія (jura acquisita, wohlerworbene Rechte), отличающихся отъ общихъ, абстрактныхъ гражданскихъ правомочій каждаго и не могущихъ быть отнятыми путемъ изданія закона безъ соотвѣтствующей компенсаціи. Нельзя, однако сказать, чтобы въ этомъ отношеніи были до-

*

стигнуты очень большіе успѣхи [1]. На практикѣ государство возмѣщаетъ убытки частнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ изданія новаго закона, руководствуясь каждый разъ не апріорными, абстрактными началами, а соображеніями соціальнаго, юридическаго и политическаго характера. Случаевъ возмѣщенія такого вреда отъ изданія новыхъ законовъ было много въ Европѣ, особенно въ Германіи, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, при чемъ гораздо болѣе въ мирное время, чѣмъ въ эпохи государственныхъ переворотовъ и волненій.

Судебная дѣятельность, дѣятельность по предупрежденію преступленій и наказанію преступниковъ также «жертвъ искупительныхъ проситъ». Немало приноситъ эта дѣятельность непричастнымъ лицамъ и горя, и вреда, и убытковъ—невознаграждаемыхъ. Но и здѣсь бываютъ исключительныя положенія, вопіющія о государственномъ возмѣщеніи, и къ нимъ относится, между прочимъ, осужденіе невиннаго [2]).

---

[1]) См. Gierke, Deutsches Privatrecht, 1895, B. I, S. 191—196 Unger, System d. Oesterreichischen allgemeinen Privatrechts, B. I, 1876, S. 119.

[2]) Французскій законъ 8 Іюня 1895 г., Германскій законъ 20 Мая 1898 г., Австрійскій—16 Марта 1892 г. См. Объяснительную записку къ проекту нов. редакц. Уст. Уг. Суд., т. IV, стр. 154. Въ Англіи нѣтъ закона о государственномъ вознагражденіи невинно-осужденныхъ, какъ и нѣтъ вообще пересмотра уголовнаго приговора, но вознагражденіе все-таки выдается, и очень щедро. См., inter cetera, Розинъ, О вознагражденіи лицъ, невинно привлеченныхъ къ уголовному суду, Ж. М. Ю., Ноябрь, стр. 87. Не можемъ удержаться здѣсь отъ замѣчанія, хотя оно не относится

Государство, ограничивающее отдѣльнаго субъекта въ осуществленіи имущественныхъ правъ, по соображеніямъ общихъ нуждъ и пользъ, на высшей ступени примѣненія этой своей прерогативы—при экспропріаціи — назначаетъ за отчужденное имущество или имущественное право соотвѣтствующую («приличную», какъ выражается нашъ законъ) сумму денегъ.

прямо къ нашему предмету, что у насъ и это великое дѣло вознагражденія невинно-осужденныхъ предоставлено иниціативѣ частныхъ лицъ, благотворителей и благотворительныхъ учрежденій. Таковъ капиталъ сен. Буцковскаго, завѣщанный для первоначальнаго пособія тѣмъ оправданнымъ, „невинность которыхъ окажется очевидной“. См. постановленіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при СПБ. Судебной Палатѣ, 5 Декабря 1882 г. Другіе случаи,—Розинъ, цит., стр. 115. Даже Проектъ нов. редакц. Уст. Уг. Суд.. стремящійся во всемъ пріобщиться къ европейской точкѣ зрѣнія, не рѣшилъ въ этомъ случаѣ сдѣлать твердый шагъ: суду предоставляется лишь хлопотать передъ Верховной Властью о вознагражденіи невинно-осужденнаго, а государство признается не столько отвѣтственнымъ, сколько „нравственно - обязаннымъ“. (Объяснительная записка, ibid., стр. 153 и сл., ст. 1039 Проекта). Идеальнымъ постулатомъ современнаго государства является вознагражденіе не только невинно-осужденнаго, но и всякаго невинно подвергнувшаго аресту или задержанію по распоряженію судебныхъ или даже административныхъ властей. Нельзя согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, будто здѣсь рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ неправильныхъ дѣйствій государства (Розинъ, стр. 102), по отношенію къ которому вообще трудно говорить о какой-либо неправомѣрности. Незаконными могутъ быть акты властей и исполнителей, караемыхъ особо въ пользу невинно-осужденнаго, при доказанности ихъ вины, напр. неправосуднаго приговора. Не это имѣетъ въ виду институтъ вознагражденія невинно осужденнаго, а именно—послѣдствія чисто случайнаго и непредотвратимаго, никому въ вину не вмѣняемаго, вредоноснаго дѣйствія (въ данномъ случаѣ недолжнаго осужденія), требующаго, по своей исключительности, соотвѣтственной реакціи со стороны государства.

Точно также опредѣляется денежный эквивалентъ при иномъ присвоенiи или уничтоженiи частнаго имущества ради государственныхъ потребностей. Это—вознагражденiе за административные акты государственнаго управленiя, существенно и необычно нарушающiе имущественныя права гражданина.

Тщетно было бы искать въ европейскомъ законодательствѣ подтвержденiя изложенной схемѣ, являющейся отраженiемъ естественныхъ началъ права, однако, еще не усвоенной опредѣленнымъ образомъ не только нашимъ, но и болѣе культурными западными законодательствами. Все это предметъ грядущихъ реформъ, музыка будущаго. Какъ иностранные законы, такъ и въ особенности нашъ сводъ, содержатъ по этому поводу сепаратныя, случайныя, казуистичныя указанiя. Только въ отдѣльныхъ странахъ достигаются въ этой области болѣе опредѣленные результаты въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ. Такъ, можно указать, что въ Германiи всего болѣе сознана идея государственнаго вознагражденiя (offentlichrehtliche Entschädigung). Въ Германiи имѣется нѣсколько специальныхъ законовъ—Sondergesetze—о вознагражденiи за уничтоженiе и присвоенiе имущества властями ради государственныхъ цѣлей, но и общая норма государственнаго вознагражденiя, охватывающая случаи подобнаго рода, не предусмотрѣнные въ Sondergesetze, считается въ дѣйствiи. Она выводится изъ того, что составляетъ въ Германiи altes Recht, и

является субъективно-публичнымъ правомъ гражданина, jus eminens, на возмѣщеніе убытковъ за особую жертву, besonderes Opfer, приносимую государству. Страннымъ образомъ эта генеральная норма, освященная не прямыми велѣніями закона, а обычаемъ, функціонируетъ до сихъ поръ, съ одобренія науки права, при чемъ притязаніе потерпѣвшаго осуществляется путемъ предъявленія иска къ государству[1]). Все это практиковалось до настоящаго времени, а нынѣ, какъ было уже отмѣчено, выработанъ спеціальный законъ о вознагражденіи за убытки, причиненные военными дѣйствіями, покоющійся, повидимому, на этой общей нормѣ стараго права.

У насъ имѣются подробныя правила о вознагражденіи въ административномъ порядкѣ за недвижимыя имущества, обращаемыя на государственную и общественную пользу, равно какъ за временное занятіе и пользованіе этими имуществами[2]). Ст. 595^5, по изданію 1910 г., упоминаетъ спеціально объ отчужденіи (экспропріаціи) для военныхъ и военно-морскихъ цѣлей, съ установленіемъ нѣкотораго сокращенія въ производствѣ. По правиламъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи (Св. зак. т. 2, прил. къ ст. 23), полагается вознагражденіе за всякое истребленное имущество,

---

[1]) См. объ этомъ Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, 1896, B. 2, S. 348, 349, 357.

[2]) Ст. 575 и сл. X т. 1 ч., Св. Зак. Гражд.

недвижимое или движимое. Ст. 11 правилъ назначаетъ денежную сумму, по опредѣленію особой Комиссіи, за «уничтоженіе строеній и истребленіе всего того, что, по военнымъ соображеніямъ, можетъ затруднять движеніе или дѣятельность нашихъ войскъ или благопріятствовать непріятелю». Недостаточно фактическихъ военныхъ дѣйствій: необходимо, по смыслу закона, чтобы территорія специальнымъ указомъ объявлена была на военномъ положеніи, что можетъ произойти, когда она имѣетъ «особо важное значеніе для интересовъ государственныхъ или спеціально военныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ не забываетъ упомянуть о реквизиціяхъ, общихъ и частныхъ, отводѣ пастбищъ для воинскихъ лошадей и пр. и пр., съ назначеніемъ «приличнаго вознагражденія» за счетъ государственнаго казначейства (Св. Зак., т. 2, ч. I, ст. 11 прил. къ ст. 23, т. IV, кн. 2, прил. къ ст. 674). Заключаются указанія по этому поводу и въ другихъ Уставахъ и Положеніяхъ, между прочимъ,—существуютъ нормы о денежномъ вознагражденіи за уничтоженіе больного скота при эпидеміи, въ цѣляхъ сохраненія прочихъ головъ данной мѣстности или всего государства[1]).

Всѣ эти отдѣльныя, разрозненныя постановленія и намеки замыкаются въ своихъ конкретныхъ предѣлахъ и своемъ конкретномъ зна-

[1]) Уст. врач., ст. 1166 и сл., В. А. Маклаковъ, В. Гр. П., назв. ст., стр. 130.

ченій: ихъ нельзя синтезировать во что-либо общее на почвѣ дѣйствующаго права, нельзя возводить ихъ на степень формулировокъ опредѣленныхъ правовыхъ направленій закона. Нашъ законъ, надо это признать, не знаетъ государственнаго вознагражденія, какъ особаго правового института. Но для будущаго законодателя приведенныя казуистичныя нормы даютъ огромный матеріалъ государственнаго, юридическаго и моральнаго значенія. На корняхъ тѣхъ рудиментарныхъ идей, что лежатъ въ основѣ этихъ нормъ, долженъ вырости обновленный, широко развѣтвленный институтъ государственнаго вознагражденія. Само собою разумѣется, что новый, ожидаемый законъ не можетъ проникаться ни той каузальностью, робостью и узостью горизонтовъ, ни той административно-полицейской закваской, которыми отмѣчены перечисленныя нормы: онъ долженъ итти по обширной дорогѣ права и справедливости.

Вредъ, причиняемый войной, вопросъ о возмѣщеніи котораго въ настоящую минуту всего болѣе интересуетъ общество и юристовъ, имѣетъ специфическій характеръ: все, что было сказано относительно основаній права на государственное вознагражденіе вообще, примѣняется къ «военному» вреду еще съ нѣкоторымъ излишкомъ, объясняемымъ особыми свойствами войны и военныхъ дѣйствій.

Если нельзя провести генеральнаго знака равенства между взаимными обязательствами частныхъ лицъ, съ одной стороны, и обязательственными отношеніями государства къ гражданину—съ другой, то нѣкоторое, пусть даже отдаленное, сравненіе съ гражданскими институтами при государственномъ возмѣщеніи вреда все же иногда допустимо, умѣстно и полезно.

Существуетъ взглядъ о томъ, что отвѣтственными за «военные» убытки являются «авторы войны», въ качествѣ лицъ виновныхъ [1]). Но это—область международныхъ отношеній, внутри государства нѣтъ, собственно, «отвѣтственныхъ за войну», въ юридическомъ смыслѣ слова. Веденіе войны нельзя уподобить неправомѣрнымъ дѣяніямъ, создающимъ обязанность возмѣщенія. Тѣмъ не менѣе, оно часто переплетается съ тѣмъ, что можетъ быть причислено къ «актамъ причиненія», обусловливающимъ, съ точки зрѣнія новѣйшихъ цивилистическихъ взглядовъ и ученій правопритязаніе ex quasi-delicto, въ частно-правныхъ отношеніяхъ. Но есть въ веденіи войны и нѣчто большее: къ объективному составу причиненія примѣшиваются и субъективные моменты воли и сознанія. Путь аналогій—путь небезопасный, имъ слѣдуетъ пользоваться съ крайней осторожностью, однако онъ самъ собою напрашивается въ вопросѣ о

---

[1]) Laurent, Principes de droit civil, 16, p. 331.

государственномъ вознагражденіи за «военныя» убытки.

Воюющее государство, при уничтоженіи имущества частныхъ лицъ, находится, несомнѣнно, въ томъ состояніи, которое не языкѣ юридическомъ именуется «крайней необходимостью». Что это значитъ и къ чему обязываетъ?

При крайней необходимости лицо, вынужденное для спасенія себя отъ опасности уничтожить чужое имущество, обязано вознаградить невинно пострадавшаго. Насколько вредъ, причиненный индивидуму при необходимой оборонѣ противъ него же, не подлежитъ возмѣщенію, настолько отвѣтственен причинитель передъ невиновнымъ третьимъ лицомъ, которому онъ принесъ ущербъ при спасеніи своей жизни, чести, имущества [1]).

Кто подвергся такому положенію, что, спасая свое драгоцѣннѣйшее достояніе, не можетъ не посягнуть на интересы, менѣе важные, своего ближняго, долженъ помнить, по крайней мѣрѣ, что нельзя купить себѣ благосостоянія путемъ жертвъ ближняго и что эти жертвы должны быть искуплены. Таковъ современный гуманитарный, соціальный и вмѣстѣ практическій принципъ человѣческаго общежитія. Если желательна формула, замѣчаетъ

---

[1]) См. Объясненія къ Проекту Гражд. Улож., кн. V, т. V, 1899 г., стр. 469.

по этому поводу Эндеманъ въ своемъ Курсѣ гражданскаго права, то она гласитъ: «За уничтоженныя, вслѣдствіе угрожающей опасности, нейтральныя вещи полагается вознагражденіе» [1]).

Государство пребываетъ въ состояніи «крайней необходимости» какъ при оборонительной, такъ и при наступательной войнѣ, съ тѣмъ, развѣ, отличіемъ сравнительно съ положеніемъ частнаго лица, что у государства, застигнутаго опасностью и вынужденнаго вторгаться въ чужую имущественную сферу, имѣется для этого больше и фактической мощи и вліянія.

Между наступательной и оборонительной войной трудно провести въ этомъ отношеніи демаркаціонную линію во время самыхъ военныхъ дѣйствій; объектомъ войны всегда является одно и то же, а именно, по опредѣленію одного военнаго авторитета: «подчиненіе волѣ воюющей стороны всего вражескаго, путемъ уничтоженія врага, либо поврежденія ему, либо изгнанія его» [2]). Самое сосредоточеніе военныхъ дѣйствій на данной территоріи можетъ быть поставлено въ связь съ общимъ государственнымъ достиженіемъ въ дѣлѣ военной обороны и военной стратегіи. Спра-

---

[1]) Endemann, Lehrbuch d. bürgerlich. Rechts, 1903, I, S. 442.

[2]) „To impose our will on that of the enemy by either annihilating or damaging him or warding him off", Bernhardi, How Germany makes war, p. 19.

ведливо указываютъ, что если непріятели напали на тотъ или иной городъ, то это потому, что въ немъ они обрѣли пунктъ для своихъ военныхъ дѣйствій, здѣсь находится военная дорога, крѣпость, сооруженіемъ которой въ мирное время государство беретъ на себя въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственность передъ жителями за возможный въ будущемъ разгромъ. Происходитъ нѣчто въ родѣ государственнаго страхованія риска, безъ чего самое поселеніе гражданъ въ данной мѣстности могло бы оказаться немыслимымъ.

Если твердо усвоить эту, по нашему мнѣнію, единственно правильную точку зрѣнія, то возраженіе, обычно дѣлаемыя въ послѣднее время, противъ юридической обязанности государства и на первый взглядъ кажущееся даже убѣдительнымъ, значительно потускнѣетъ, потеряетъ въ своей силѣ. Противники этой государственной обязанности указываютъ, что во время войны государство находится само подъ воздѣйствіемъ непреодолимой силы, vis maior, и потому не должно нести отвѣтственности за причиненный вредъ. На этой точкѣ зрѣнія стояло, между прочимъ, Особое Совѣщаніе 1906 г. «По общепризнанному положенію—утверждало оно—война приравнивается къ стихійнымъ бѣдствіямъ и такъ какъ, по общему юридическому принципу, никто не отвѣчаетъ за вредъ, причиненный стихіею или непреодолимой силой, то на государство не возлагается от-

вѣтственности предъ его подданными за имущественные ущербы, понесенные ими вслѣдствіе военныхъ событій» [1]).

При ближайшемъ ознакомленіи съ этой ссылкой ея несостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ становится очевидной для непредубѣжденнаго. Прежде всего было бы странно говорить о «непреодолимой силѣ» войны, которую государство, напр., само объявило или вызвало. Но современное правосознаніе, какъ уже было указано, не отличаетъ и не можетъ отличать, въ отношеніи гражданскихъ послѣдствій, войну, добровольно начатую, отъ войны «навязанной», не въ состояніи классифицировать и расчленять военныя событія и дѣйствія, когда дѣло касается имущественнаго вреда.

Война, какъ непреодолимая сила, способна освободить отъ отвѣтственности частныхъ лицъ, ибо она можетъ явиться для нихъ дѣйствительнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ, превосходящимъ какъ ту мѣру предосторожности и радѣнія, которая требуется отъ каждаго въ его дѣятельности, такъ и мѣру профессіональнаго риска, возлагаемаго на предпринимателя за актуальность его предпріятія. Но для государства, на обязанности котораго лежитъ охрана гражданскаго мира, для чего постоянно приспособляются и силы и средства, война, при нынѣшнемъ положеніи международныхъ отношеній, не стоитъ въ

[1]) См. Отчетъ Особаго Совѣщанія 8 Іюня 1906 г., стр. 9.

ряду съ такими явленіями, какъ землетрясеніе и пр. [1]).

Если войну и не считать «обычнымъ» феноменомъ государственной жизни, то въ ней во всякомъ случаѣ отсутствуютъ по отношенію къ государству многіе самые существенные признаки «форсъ - мажора».

Этого, кажется, достаточно для того, чтобы устранить послѣднее основаніе для государства претендовать на безотвѣтственность за убытки, непосредственно причиненные войной.

Но, конечно, еще важнѣе здѣсь соображенія соціальнаго свойства, заключающіяся въ необходимости уравненія послѣдствій общегосударственныхъ бѣдствій, переложенія ихъ съ плечъ отдѣльныхъ лицъ на плечи государства. Необходимо, чтобы тѣ, кому приходится первыми встрѣтить непріятеля и военную грозу лицомъ къ лицу, имѣли увѣренность, что отъ нихъ не потребуютъ неизмѣримыхъ жертвъ. Какъ справедливо замѣтили составители записки Экономическаго Совѣщанія при Гос· Сов.— «могучій врагъ воюетъ не съ насе-

---

1) Съ „проявленіями естественныхъ силъ природы“— Naturgewalt—склонны были до послѣдняго времени отождествлять войну даже нѣкоторые ученые германскіе государствовѣды, полагавшіе поэтому, что за убытки, причиненные на войнѣ, точно такъ же, какъ и за ущербъ, причиненный при усмиреніи внутреннихъ безпорядкахъ, государственное возмѣщеніе не полагается, хотя тутъ же обязательно добавляли: „Справедливость и правосознаніе требуетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ возмѣщался вредъ, все равно, причиненъ ли онъ своими, или непріятелями, только это должно быть дѣломъ спеціальныхъ постановленій“. Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, 2, S. 365.

леніемъ и его крохотнымъ достояніемъ, а съ могучей Россіей, владѣющей неисчерпаемыми богатствами» (стр. 2). Не случай руководитъ распредѣленіемъ послѣдствій государственнаго бѣдствія, а система и планъ, начало общаго равенства. Этого требуетъ идеалъ государства и гражданина [1].

То, что вознагражденіе за убытки, причиненные войной, какъ и государственное вознагражденіе вообще, запечатлѣно чертами права, опредѣляетъ собою взаимныя отношенія между государствомъ и пострадавшими и даетъ особую окраску всему институту. Цѣлый рядъ конкретныхъ слѣдствій вытекаетъ отсюда, цѣлый рядъ практическихъ выводовъ и положеній.

Въ качествѣ правового института государственное вознагражденіе должно примѣняться вездѣ, гдѣ на-лицо имѣются обусловливающія его фактическія обстоятельства. Возмѣщенію подлежитъ всякій вредъ, причиненный военными дѣйствіями, и притомъ полностью. Не можетъ быть принято во вниманіе то или иное состояніе въ данную минуту государственнаго казначейства, какъ не принимается во вниманіе состояніе кассы частнаго лица, обязаннаго къ

[1]) Изложенный принципъ гражданскаго равенства является почти единственнымъ стимуломъ при установленіи государственнаго вознагражденія за имущественныя послѣдствія отъ такихъ событій, какъ народныя волненія, погромы и пр. „Національный долгъ" повелѣваетъ и здѣсь распредѣленіе вреда, совершаемое путемъ созданія обязанности государственной кассы.

возмѣщенію. Одно дѣло—отпустить съ благотворительной цѣлью сумму денегъ для алчныхъ и голодныхъ, угрожающихъ государственной безопасности, и другое—удовлетвореніе справедливыхъ и законныхъ притязаній за отнятое, разрушенное и послужившее на пользу государству. Въ первомъ случаѣ играетъ роль общее положеніе финансовъ, во второмъ—размѣръ причиненнаго вреда и ничто иное. При этомъ безразлично, причинены ли ущербъ и убытки въ предметахъ первой необходимости или объектахъ роскоши. Сколь бы ни желательно было такое разграниченіе, оно по существу совершенно произвольно, а стало быть, недопустимо. Важно одно: чтобы ущербъ былъ причиненъ непосредственно войной или, вѣрнѣе, военными дѣйствіями. Всякаго рода отдаленный ущербъ, вызванный войной, представляетъ собой естественный результатъ переживаемаго потрясенія, одинаково ощущаемаго всѣми въ государствѣ: въ этой области не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь спеціальномъ возмѣщеніи. Въ видѣ примѣра вреда, подлежащаго вознагражденію, можно указать на личный вредъ, потерю жизни, здоровья, лишеніе имущества и имущественныхъ правъ, какъ право пользованія, сервитутъ и пр. Подъ категорію невознаградимыхъ убытковъ подпадетъ всякаго рода утрата правовыхъ и имущественныхъ возможностей: уменьшеніе кліентеллы, разстройство хозяйственныхъ плановъ и дѣлъ, вслѣдствіе прекращенія оборота или

принудительнаго выѣзда и т. д. Точно также невозмѣстимы: прибыли, которыхъ ожидалъ пострадавшій и которыя не осуществились изъ-за начавшейся войны, благодаря, напр., пріостановкѣ фабрикъ, специфическіе ущербы и убытки, связанные для даннаго именно лица съ обладаніемъ вещью и предметомъ (Affectionssachen) etc. Всѣ эти потери государство не въ состояніи страховать обывателю, ибо фискъ,—здѣсь это умѣстно замѣтить, — не является «волшебной кассой» съ неистощимымъ содержаніемъ (Zauberkasse).

Но коль скоро военныя дѣйствія прямо и непосредственно вызвали матеріальный вредъ, то безразлично, произошелъ ли онъ у поля битвы или въ тылу арміи. Поэтому ограниченіе сферы примѣненія закона убытками на «театрахъ войны» не моглобы считаться вполнѣ основательнымъ. Такъ, легко себѣ представить случай, когда непріятельскій аэропланъ пролетѣлъ надъ отдаленнымъ, мирнымъ городомъ и сбросилъ бомбы, а батареямъ пришлось разметать огонь по всему городу, отчего пострадали частныя имущества. Здѣсь нѣтъ «разгрома на театрѣ войны», но едва ли справедливо отказать въ вознагражденіи пострадавшимъ.

Субъектами права на вознагражденіе являются всѣ дѣйствительно потерпѣвшіе или ихъ правопреемники [1]). Право не можетъ ми-

---

[1]) Поскольку право на государственное вознагражденіе носитъ въ себѣ черты частнаго права, оно можетъ быть

риться съ какими-либо исключеніями, изъятіями, дѣленіями на категоріи, какъ это дѣлается, напр., при «разборѣ бѣдныхъ». Что Особое Совѣщаніе 1906 г. рѣшило не выдавать вознагражденія торговымъ домамъ и акціонернымъ компаніямъ, вытекало изъ самой постановки дѣла, въ силу которой пособіе разсчитывалось на «разоренныхъ», т. е. только на пострадавшихъ отдѣльныхъ лицъ. Юридическія лица, по мнѣнію Комиссіи, могли бы претендовать на что-либо, если бы рѣчь шла не о «вспомоществованіи», а о «прямомъ вознагражденіи за утраченное имущество», но этотъ-то именно взглядъ отвергнутъ былъ Особымъ Совѣщаніемъ.

Достаточно, однако, заглянуть въ «Отчетъ о ходѣ и результатахъ дѣятельности» Совѣ-

---

отчуждаемо путемъ возмездныхъ и безвозмездныхъ сдѣлокъ, дара, завѣщанія и проч., можетъ быть предметомъ взысканія со стороны кредиторовъ. Споренъ нѣсколько вопросъ о наслѣдованіи по закону. Должно ли это наслѣдованіе быть безпредѣльнымъ, какъ въ общемъ нашемъ правѣ? Справедливо ли, чтобы, по смерти потерпѣвшаго, причитающееся ему вознагражденіе выплачивалось государствомъ какому-либо „троюродному“ наслѣднику, ничего общаго, быть можетъ, не имѣющему съ покойнымъ, одному изъ тѣхъ отдаленныхъ родственниковъ, которые жнутъ, не сѣя, и которыхъ на Западѣ окрестили названіемъ „веселыхъ наслѣдниковъ“, „die lachenden Erben“. См. Гитцигъ, Предѣлы наслѣдственнаго права, 1910 г., стр. 9 и др., М. Я. Пергаментъ, Очередные вопросы въ литературѣ гражданскаго права, Вѣстн. гражд. пр., 1914 г., № 8 стр. 100—125, также Bamberger, Für das Erbrecht des Reiches, 1912 г. etc. Несомнѣнно, что пока у насъ не существуетъ ограниченія права наслѣдованія по закону, въ томъ смыслѣ, чтобы призывались только нѣкоторыя категоріи (самыхъ близкихъ родственниковъ), а при отсутствіи таковыхъ, наслѣдственное имущество становилось вымороченымъ, до тѣхъ поръ провозглашеніе этого принципа огра-

щанія, чтобы убѣдиться, что фактически и торговые дома получили значительныя суммы, даже «внѣ нормы», «за особыя заслуги». Какъ извѣстно, обойдены были совсѣмъ не крупныя коммерческія учрежденія... Но, какъ бы то ни было, этотъ критерій административно-полицейскаго различенія между разными категоріями потерпѣвшихъ непригоденъ въ настоящее время, при взглядѣ на вознагражденіе, какъ на особую правовую обязанность государства.

Иностранцы въ отношеніи своего имущества въ Россіи пользуются равными правами съ коренными жителями, а для военнаго времени законъ никакихъ общихъ изъятій изъ этого правила не сдѣлалъ [1]). Поэтому съ точки зрѣнія принципіально-правовой, казалось бы, всякій иностранецъ, наравнѣ съ русскими, имѣетъ право на компенсацію за свое на рус-

---

ниченія въ одномъ частномъ случаѣ звучало бы диссонансомъ съ общей системой права. Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе особыя свойства самаго права на государственное вознагражденіе, позволительно, кажется, допустить по отношенію къ нему уже въ настоящее время то, что въ другихъ областяхъ можетъ быть только предметомъ болѣе или менѣе близкой реформы. Въ такомъ же смыслѣ высказываются и во Франціи. Казалось бы правильнымъ ограничиться нисходящими и супругами, съ установленіемъ между ихъ правами извѣстнаго соотношенія, при ненахожденіи же этихъ лицъ (и кредиторовъ) считать право погашеннымъ (перешедшимъ въ пользу государства). Къ этому, равно, какъ и къ другимъ частнымъ вопросамъ, связаннымъ съ реализаціей института государственнаго вознагражденія, авторъ надѣется еще вернуться въ другой разъ.

[1]) Ст. 82 Осн. Зак., Бѣляцкинъ, Война и Правосудіе, 1914 г., стр. 8.

ской территоріи находящееся имущество, разрушенное на войнѣ. Особое Совѣщаніе 1906 г. весьма просто разрѣшило вопросъ объ иностранцахъ, находя, что «государство не имѣетъ права обращать средства на благотвореніе иностранцамъ» [1]. Такъ разсуждали абстрактно, а конкретно былъ допущенъ и здѣсь цѣлый рядъ изъятій... Въ настоящее время рѣчь будетъ идти относительно подданныхъ непріятельскихъ державъ. По адресу прочихъ иностранцевъ сомнѣнія едва ли возникнутъ, принимая во вниманіе союзъ Россіи съ западными государствами и наличность пострадавшихъ «дружескихъ иностранцевъ», хотя какъ это ни странно, Записка Эконом. Совѣщ. Госуд. Совѣта упомянула только о русскихъ подданныхъ [2]. Впрочемъ, сюда привмѣшивается сильная доза политики, и, при настоящемъ положеніи вещей, трудно ожидать, что разрѣшеніе дано будетъ исключительно по началамъ stricti juris, трудно быть пророкомъ въ той области, въ которой сказывается болѣе всего наша безпринципность и неустойчивость, въ послѣднія времена [3].

---

[1] Отчетъ, стр. 49.

[2] Вспомнимъ, кстати, что въ эпоху 1905—1906 г.г. за имущества, разоренныя во время погромовъ, аграрныхъ волненій, вознагражденіе отъ русскаго государства получили именно иностранцы, не въ примѣръ русскимъ подданнымъ, которыхъ, повидимому, должно было вполнѣ удовлетворить соображеніе о „форсъ-мажорѣ".

[3] Пользуюсь случаемъ замѣтить тѣмъ, которые при правовомъ ущемленіи подданныхъ непріятельскихъ державъ ссылаются у насъ на спасительный примѣръ Англіи,

Вознагражденіе предполагается у насъ опредѣлять въ административномъ порядкѣ, съ учрежденіемъ раіонныхъ комитетовъ и центральнаго комитета въ Петроградѣ.

На Западѣ для этой цѣли считаютъ пригодными особые «административные суды», составленные изъ лицъ судебнаго и административнаго вѣдомства. У насъ до настоящаго времени болѣе или менѣе надежной гарантіей правильныхъ и справедливыхъ рѣшеній является чисто судебное производство. Если административно-чиновничья форма разбирательства еще допустима въ дѣлахъ такого рода,—въ концѣ концовъ не очень сложныхъ—какъ реквизиція или экспропріація, въ которыхъ рѣчь идетъ только объ опредѣленіи стоимости, то она въ неизмѣримо меньшей степени пригодна въ дѣлѣ «военнаго» вознагражденія, гдѣ приходится устанавливать, кромѣ стоимости, еще и самое право, доказывать факты и пр.

Особое Совѣщаніе 1906 г. неоднократно ссылается на «сложность и трудность» дѣлъ по разсмотрѣнію претензій пострадавшихъ отъ войны. Однако, съ самаго начала Государственный Совѣтъ находилъ, что къ нимъ

что, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, и нынѣ Англія придерживается того взгляда, что германецъ, австріецъ и пр., мирно живущіе на Британской территоріи или вообще внѣ территоріи своего отечества и не уличенные во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Англіи, вправѣ осуществлять всѣ свои гражданскія права въ Англіи и даже прямо исключаются изъ категоріи „непріятельскихъ иностранцевъ“, alien enemies. См. Page, War and alien enemies, 1914, p. 2 f. Gore-Browne, Effect of the War, 1914, p. XIV—XVII.

«вовсе не примѣнимъ судебный порядокъ». Эти претензіи «могутъ быть справедливо удовлетворены лишь въ предѣлахъ возможности и притомъ учрежденіемъ, коему будетъ ввѣрено ихъ разбирательство, не стѣсненнымъ никакими формальностями, никакими формальными требованіями и уполномоченнымъ постановлять свои рѣшенія исключительно по внутреннему убѣжденію. Такимъ учрежденіемъ признано было Особое Совѣщаніе, какъ высшее установленіе» [1]). Нынѣ потребно дать обывателю право на открытое некелейное разбирательство, гарантію его законныхъ правъ, а это будетъ осуществлено, если онъ получитъ возможность апеллировать къ судебному мѣсту, т. е. къ тому же государственному органу, снабженному, однако, лучшими способами изслѣдованія. Только судъ у насъ вооруженъ всѣми средствами добыванія истины, правомъ допроса экспертовъ и свидѣтелей подъ присягой и пр. и пр.; суду же предоставлено закономъ въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ вознагражденія не можетъ быть точно выясненъ, по причинамъ, не зависящимъ отъ пострадавшаго, опредѣлять таковое по справедливому усмотрѣнію, основанному на обстоятельствахъ дѣла (ст. 706[1] уст. гр. суд.). Юристы, теоретики и практики, хорошо знаютъ, что это «судейское усмотрѣніе» ничего общаго не имѣетъ съ усмотрѣніемъ админи-

1) Отчетъ, стр. 3.

стративнымъ, являющимся часто прикрытой формой произвола.

Судебное разбирательство было бы у насъ, въ данномъ случаѣ, нѣкоторымъ новшествомъ, но не новшествъ приходится опасаться тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о важныхъ задачахъ и достиженіяхъ. Укладывается ли въ рамки формально-юридическихъ представленій искъ къ казнѣ о вознагражденіи за «военный» или иной убытокъ, либо не укладывается—это вопросъ второстепенный. Пригоденъ ли, практиченъ ли такой порядокъ—вотъ что важно и существенно. Исторія развитія европейскаго права свидѣтельствуетъ о постоянныхъ передвиженіяхъ демаркаціонной линіи, отдѣляющей судебное и административное разбирательство [1]). Судейское содѣйствіе при разсмотрѣніи дѣлъ о государственномъ вознагражденіи не являлось бы въ нашемъ процессѣ столь рѣзкой антитезой уже по одному тому, что нашъ законъ знаетъ случаи фигурированія государства стороной въ судебныхъ (гражданскихъ) дѣлахъ. Таковы иски начальствующихъ лицъ объ уничтоженіи сдѣлокъ

---

[1]) Mayer, Deutsches Verwaltungsrecht, B. I, 1 Auf, S. 213 f., 2 Auf 1914, § 16: Die Justiz nimmt der Verwaltung eine Sache weg, die Sie zu entschieden hätte, und umgekehrt, также Michoud, La theorie de la personnalité moral, II, 1909, p. 268, А. Кулишеръ, Защита субъективныхъ публичныхъ правъ посредствомъ иска, 1913, стр. 18 и др.; о бельгійской системѣ, состоящей въ полномъ отсутствіи особой административной юстиціи и принципіальной передачѣ всѣхъ споровъ о правѣ въ руки единой судебной власти, см. у послѣдняго автора—стр. 25, 35.

по недвижимостямъ, пріобрѣтеніе которыхъ воспрещено по закону нѣкоторымъ группамъ населенія. Если въ этихъ производствахъ, касающихся «государственныхъ интересовъ», государство является въ качествѣ истца, причемъ по постояннымъ разъясненіемъ Сената, дѣла эти разбираются по «общимъ правиламъ гражданскаго судопроизводства», почему нельзя допустить, mutatis mutandis, чтобы въ другихъ случаяхъ государство являлось въ качествѣ отвѣтчика, хотя бы и нѣсколько своеобразнаго? Вѣдь, вся суть въ болѣе правильномъ изслѣдованіи дѣла — и только. Нельзя ли здѣсь допустить какое-либо изъятіе изъ общаго принципа разграниченія областей административной и судебной, въ интересахъ настоятельныхъ потребностей?

Не раздвигаются ли нынѣ вездѣ, гдѣ этому не мѣшаютъ устарѣлыя традиціи строгаго раздѣленія властей (какъ во Франціи), рамки частно-правовыхъ отношеній государства по дѣламъ имущественнымъ и денежнымъ? Не служитъ ли симптомомъ этого сдвига устанавливаемая на Западѣ отвѣтственность по суду казны за дѣйствія (неправомѣрныя) должностныхъ лицъ?

Но, какъ бы то ни было, въ дѣлѣ государственнаго вознагражденія представляется даже правовая возможность комбинировать оба вида производства, административный и судебный, т. е. допустить такъ называемый кумулятивный процессъ: дѣло поступаетъ

предварительно на разсмотрѣніе административнаго комитета, а въ случаѣ несогласія потерпѣвшихъ съ постановленіями Комитета (или признанія Комитетомъ спорности права) оно направляется въ Судъ. Это, приблизительно, тотъ порядокъ, который усвоенъ по дѣламъ «о нарушеніяхъ противъ уставовъ казеннаго управленія», но юриспруденція допускаетъ его и для цивильнаго разбирательства [1]). Гражданскій Судъ опредѣляетъ сумму возмѣщенія, руководствуясь при невозможности точно ее фиксировать, справедливымъ усмотрѣніемъ. При разумной постановкѣ этой кумуляціи, точномъ разграниченіи, правильномъ распредѣленіи издержекъ судебнаго производства, установленіи надлежащаго давностнаго срока (напр., трехлѣтняго) для предъявленія требованія и пр.,—можно было бы достигнуть благопріятныхъ результатовъ для обѣихъ сторонъ, и для истца—потерпѣвшаго и для отвѣтчика—фиска. Не было бы перегруженія судовъ исками, а главное—дѣйствительный ущербъ не оставался бы безъ надежды на удовлетвореніе. Что участіе судьи такъ или иначе окажется неизбѣжнымъ, едва ли

---

[1]) Ст. 1125^2 и сл. Уст. Уг. Судопр., Wach, Zivilprozess, S. 113. Кумуляція требуетъ, чтобы въ нисшей административной стадіи предвареніе судебнаго разбирательства выражалось въ существованіи, наряду съ указаннымъ правомъ потерпѣвшаго на переносъ дѣла въ судъ, права и спеціальнаго государственнаго органа (прокурора) опротестовывать постановленія Комитета, нарушающія права фиска, что и должно влечь судебное разбирательство.

подлежитъ сомнѣнію. Уже въ настоящее время населеніе обращается за обезпеченіемъ доказательствъ къ мировымъ судьямъ, гминнымъ судьямъ, и ходатайства эти удовлетворяются. Существуетъ общая и непобѣдимая увѣренность, что эти дѣла будутъ разсматривать не только административныя, но и судебныя мѣста. Населеніе вѣритъ въ судъ, надѣется на него, въ своихъ страданіяхъ и лишеніяхъ [1]).

* *
*

Вознагражденіе за вредъ, причиненный военными дѣйствіями, имѣетъ свои опредѣ-

---

[2]) Что представляютъ собою проектируемые районные комитеты и утверждающій ихъ рѣшенія центральный комитетъ, эти дѣтища бюрократической мысли, долженствующія замѣнить независимые, внѣпартійные, аполитичные суды? Негласное, непубличное, закрытое, письменное производство, самостоятельное, инертное движеніе дѣлъ изъ одной инстанціи въ другую, не напоминаетъ ли весь этотъ характеръ дѣятельности предполагаемыхъ комитетовъ наше старое, дореформенное судопроизводство? Отъ такого возврата къ старымъ принципамъ всего менѣе должно выиграть государство, ибо частныя лица все-таки имѣютъ возможность направлять и толкать дѣла въ желательное для нихъ русло, межъ тѣмъ какъ государство лишено всякой инціативы (въ представленіи съ своей стороны доказательствъ, обжалованіи и пр.),—той инціативы, которую оно имѣетъ въ качествѣ стороны при разборѣ дѣлъ въ судахъ. Для государства, съ точки зрѣнія правильно понятыхъ его интересовъ, цѣлесообразной представляется именно судебная форма точно такъ же, какъ и для потерпѣвшихъ, если, вообще, существуетъ какое-либо довѣріе государства къ своимъ судамъ. Приходится твердить и напоминать, хотя это и очевидно, что обрядовая или процессуальная сторона при назначеніи государственнаго вознагражденія играетъ существеннѣйшую роль. Если бы призваны были для этой дѣятельности суды, то пришлось бы создать рядъ правилъ

ленныя задачи и формы, свои цѣли, свою самостоятельность. Оно существенно отличается отъ другихъ формъ вознагражденія въ военное время и, между прочимъ, отъ матеріальнаго удовлетворенія за такъ называемыя реквизиціи. При реквизиціи мы имѣемъ дѣло не съ убытками

объ облегченіи судопроизводства, сокращенія процессуальныхъ сроковъ и проч., въ нѣкоторое измѣненіе дѣйствующихъ нормъ Уст. Гражд. Суд. Нужно было бы расширить справедливое судейское усмотрѣніе, давъ судамъ право свободно устанавливать не только размѣръ ущерба, но и самые факты, лежащіе въ основѣ правопритязанія (при наличности извѣстныхъ условій, одна возможность или вѣроятность убытка уже можетъ считаться иногда достаточнымъ подтвержденіемъ права). Во всякомъ случаѣ, область доказательствъ—это пунктъ, на которомъ сосредоточивается sedes materiae при осуществленіи права на вознагражденіе. Въ дѣлѣ оцѣнки „военнаго“ вреда особенно необходимы полная свобода и самостоятельность рѣшающаго органа. Вспомнимъ, къ примѣру, столь спорный вопросъ о томъ, по какимъ цѣнамъ должна опредѣляться стоимость разрушеннаго имущества: по тѣмъ ли, которыя стояли въ моментъ разрушенія, или по тѣмъ, которыя опредѣлились во время предъявленія притязанія. Какой масштабъ можно заранѣе установить здѣсь въ качествѣ прочной основы для разрѣшенія конкретныхъ дѣлъ? A priori, справедливость требуетъ, какъ будто, чтобы все зависѣло отъ воли потерпѣвшаго и отъ того, какую изъ этихъ цѣнъ онъ лично предпочтетъ. Въ самомъ дѣлѣ, у потерпѣвшаго могло быть имущество, обладавшее въ моментъ гибели слабой стоимостью, которая, однако, впослѣдствіи выросла бы, если бы оно сохранилось (процентныя бумаги и пр.). Съ другой стороны, многіе предметы имѣли высокую цѣнность именно въ моментъ разрушенія и въ значительной мѣрѣ потеряли ее впослѣдствіи, когда возстановлена была нормальная жизнь (провіантъ, фуражъ, металлы и т. д.). Право потерпѣвшаго пользоваться той или иной стоимостью вытекаетъ отчасти изъ смысла нашихъ гражданскихъ законовъ, косвенно—изъ 671 ст. X т., 1 ч. (При этомъ само собой разумѣется, что принимаются во вниманіе цѣны общія или рыночныя, а не себѣстоимость, какъ думаютъ нѣкоторые). И тѣмъ не менѣе въ оконча-

въ техническомъ смыслѣ, а съ особаго рода, по военнымъ надобностямъ возникающимъ, договоромъ между государствомъ и частнымъ лицомъ, принудительнаго свойства, о пріобрѣтеніи, въ пользу государства, матеріаловъ, вещей, трудовыхъ и иныхъ услугъ, использованіи помѣщеній, фабрикъ, пріостановленіи дѣйствій завода, въ цѣляхъ, напр., лучшаго приспособленія сосѣдней фабрики для нуждъ арміи (принудительный договоръ о выдержаніи) и т. д. Реквизиція допустима въ точно опредѣленныхъ случаяхъ чрезвычайнаго характера, предусмотрѣнныхъ самимъ закономъ, который предполагаетъ особое и спеціальное распоряженіе главнокомандующаго, предписываетъ соблюденіе извѣстныхъ условій и уста-

---

тельномъ счетѣ невозможно предоставить выборъ полному усмотрѣнію потерпѣвшаго: оно подлежитъ ограниченіямъ въ пользу усмотрѣнія рѣшающаго органа. Отъ этого не спасло бы даже созданіе какихъ-либо заранѣе установленныхъ условныхъ нормъ, какъ, напр., ариѳметической средней между цѣнами момента уничтоженія и момента предъявленія требованія: въ отдѣльныхъ случаяхъ все же надлежало бы предоставить рѣшающему органу отступать отъ этого общаго предписанія закона и принимать къ руководству одну изъ цѣнъ исключительно по своему справедливому усмотрѣнію. Въ его власть приходится иногда отдавать не только разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ размѣра примѣнительно къ фиксированному масштабу, но и установленіе самого масштаба. Такой порядокъ диктуется прежде всего необычайной разнохарактерностью подвергающихся уничтоженію на войнѣ предметовъ, среди которыхъ имѣются и недвижимости, и посѣвы, и библіотеки, и цѣнныя картины, и чисто рыночныя вещи. Въ разумномъ усмотрѣніи рѣшающаго органа—якорь спасенія отъ многихъ роковыхъ затрудненій и ошибокъ при оцѣнкѣ вреда.

навливаетъ способъ исчисленія вознагражденія [1]).

Съ принципіально-правовой точки зрѣнія государственное вознагражденіе за «военные убытки» слѣдовало бы отличать также отъ возмѣщенія ущерба, причиненнаго неправильными дѣйствіями военныхъ властей во время войны. Незаконные акты постигаетъ особая отвѣтственность, которая, по общему правилу и дѣйствующему русскому праву, падаетъ на самихъ виновныхъ, отвѣтственность же казны—и то лишь субсидіарная, на случай невозможности взыскать съ виновнаго,—есть у насъ дезидератъ, отстаиваемый теоріей права для будущаго. Во всякомъ случаѣ, и предѣлы и формы взысканія съ казны за неправильныя дѣйствія властей совершенно особыя: допустить смѣшеніе съ государственнымъ вознагражденіемъ, о которомъ мы все время трактуемъ, невозможно и непозволительно. И тѣмъ не менѣе, когда рѣчь идетъ о вредѣ, причиненномъ непосредственными военными дѣйствіями, необходимъ цѣлый рядъ огово-

---

[1]) Ст. 141, кн. 18 св. воен. постановл., см. Право, 1915, № 14, стр. 1037. Только реквизиціи, производимыя непріятелемъ, могутъ быть предметомъ государственнаго вознагражденія. По Гаагской конвенціи 1907 г. (Законы и обычаи войны, Отд. III, ст. 52), за эти реквизиціи частныя лица получаютъ вознагражденіе непосредственно отъ реквизирующихъ; если же это оказывается невозможнымъ, то выдается квитанція, съ той цѣлью, какъ думаютъ юристы, чтобы не только предотвратить злоупотребленія, но и дать возможность тѣмъ, у кого реквизировали, обратиться къ своему государству съ требованіемъ возмѣщенія.

рокъ и изъятій изъ только что упомянутаго начала различенія между неправильными и правильными дѣйствіями властей. Военныя столкновенія сопровождаются явленіями подавляющими и роковыми, носящими, какъ правильно отмѣчаютъ составители Записки Эконом. Совѣщ. при Государств. Совѣтѣ, печать *стихійности*. Въ высокой температурѣ боевъ и боевыхъ приготовленій атмосфера накаляется до такой степени, что отличать правомѣрное отъ неправомѣрнаго по отношеніямъ къ мѣстнымъ жителямъ, въ особенности для самихъ пострадавшихъ,—дѣло почти невозможное. Было ли соотвѣтствующее распоряженіе командира или имущество взято и уничтожено безъ распоряженія, самовольно, какъ разрѣшить и доказать обывателю? «Въ мѣстахъ расположенія войскъ, — говорятъ авторы упомянутой Записки,—все годное, напр. для подстилки (солома, сѣно), отопленія (заборы, дрова) и т. п., зачастую употребляются нижними чинами для своихъ нуждъ... Въ случаяхъ жалобъ на мѣсто происшествія присылалась слѣдственная комиссія, которая требовала указанія виновныхъ, заявляя, что они будутъ разстрѣляны. Конечно, пострадавшіе не желаютъ виновнымъ столь тяжкаго наказанія и предпочитаютъ поэтому отказаться отъ указанія ихъ, тѣмъ болѣе, что и дѣлу это мало помогло бы, ибо для собственника нужно вознагражденіе за убытки, а отнюдь не казнь причинившаго ихъ».

Изъ всѣхъ этихъ краснорѣчивыхъ словъ и фактовъ естественный выводъ одинъ: въ понятіе государственнаго вознагражденія за военные убытки приходится относить возмѣщеніе всякаго вреда, причиненнаго непосредственно на войнѣ, безъ различія.

Именно неизбѣжный стихійный характеръ «военнаго» вреда не позволяетъ сортировать— и, каковъ бы онъ ни былъ, приходится ставить его на линію государственныхъ задачъ и государственныхъ достиженій. Это—изъятіе изъ общаго правила, но изъятіе необходимое, вытекающее изъ природы вещей. Если государство возмѣщаетъ убытки въ порядкѣ государственнаго вознагражденія отъ дѣйствій непріятельской арміи, то тѣмъ справедливѣе возмѣщеніе вреда, въ этомъ порядкѣ, отъ неправильныхъ дѣйствій нашихъ воинскихъ частей.

Въ результатѣ можно сдѣлать синтезъ и выставить то положеніе, что на войнѣ ущербы и убытки, причиненные какъ нашими войсками, такъ и непріятельскими, какъ правильными, такъ и незаконными актами военныхъ властей и лицъ, подлежатъ одинаковому вознагражденію, съ тѣмъ, конечно, что генеральное начало разграниченія между правильными и неправильными дѣйствіями властей остается въ корнѣ незыблемымъ для всѣхъ другихъ случаевъ,—кромѣ боевыхъ дѣйствій [1]).

---

[1]) Впрочемъ, цивильная политика требовала бы, чтобы даже въ мирное время обыватель, по возможности, освобо-

Я не имѣлъ намѣренія исчерпать во всей полнотѣ многогранные вопросы государственнаго вознагражденія. Я желалъ только намѣтить эти вопросы, предназначенные, несмотря на всю ихъ сложность, къ практическому разрѣшенію.

Урегулированіе права на вознагражденіе за «военные» убытки столь важно въ наши дни. Пусть помнятъ это тѣ, кому придется заняться этимъ въ законодательномъ порядкѣ! Помыслы наши устремлены въ сторону прямой борьбы съ непріятельской опасностью, но мы не въ правѣ забывать ни на одну минуту за насъ теряющихъ и обездоленныхъ, пока бьется пульсъ государственной жизни. У насъ это также «народный долгъ». Выполненіе его, помимо прочаго, должно укрѣпить въ населеніи духъ сопротивленія непріятелю, на что и обращаютъ вниманіе сторонники вознагражденія на Западѣ. Понятны чувства тѣхъ, которые говорятъ о трудности трактовать въ настоящее время по поводу требованій и «исковъ» населенія къ государству, но еще труднѣе затушевать правовую нужду и оставить населеніе передъ призракомъ правовой необезпеченности и безнадежности...

ждался отъ бремени разбираться въ „правильности“ и „неправильности“ дѣйствій власти, если вредъ причиненъ будетъ ему такими стихійными приключеніями, какъ народныя волненія и пр. (и законъ найдетъ возможнымъ возмѣщать подобный ущербъ

Нельзя будетъ откладывать въ долгій ящикъ и общаго вопроса о государственномъ вознагражденіи, коль скоро онъ всплываетъ, хотя и по поводу военныхъ событій.

Создать цѣлесообразныя законодательныя нормы государственнаго вознагражденія жертвамъ войны,—это значитъ рѣшить громадную задачу настоящаго и будущаго. Это значитъ отвѣтить насущнѣйшей потребности минуты и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить надежную почву для постановки всего института государственнаго вознагражденія, въ чемъ такъ нуждается наше отечество.

И если бы подобныя цѣли были теперь достигнуты законодательствомъ и юриспруденціей, мы сказали бы, что война прошла недаромъ для права и правосудія, что она обогатила сокровищницу правопорядка соціально-цѣнными пріобрѣтеніями, влила въ атмосферу гражданскаго оборота струю новой жизни и свѣжихъ вѣяній.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дополненіе къ докладу.

По поводу доклада «Война и государственное вознагражденіе» сдѣланъ былъ автору рядъ указаній во время преній (проф. В. М. Нечаевымъ и др.), а отчасти въ прессѣ и инымъ образомъ. Позволю себѣ вкратцѣ отвѣтить на замѣчанія и возраженія. Вопросъ столь же обширенъ, сколь и важенъ: всего не охватить, не выяснить разомъ [1])...

Первая категорія замѣчаній вращается вокругъ вопроса о государственномъ суверенитетѣ и актахъ государственнаго управленія. Стараются увѣрить, что суверенитетъ госу-

---

[1]) Только въ самое послѣднее время начинаютъ появляться литературныя работы на французскомъ языкѣ, посвященныя этому предмету и долженствующія освѣтить его полно и всесторонне: Gaston Jèse, La Réparation intégrale des dommages causés par les faits de guerre, Paris, 1915, статьи въ Revue politique et parlementaire, и особенно, очеркъ проф. парижскаго университета Joseph Barthélemy, Le droit à la Réparation des dommages de guerre, Mai 1915, etc. Къ нимъ отсылаемъ интересующихся. Немало мыслей, серьезныхъ и гуманныхъ, находимъ у этихъ выдающихся авторовъ, для вразумленія скептиковъ, противниковъ института государственнаго возмѣщенія.

*

дарственной власти, съ одной стороны, и обязанность государства, какъ такового, въ отношеніи индивидуума, съ другой,—понятія трудно совмѣстимыя, почему юридическое обоснованіе государственнаго вознагражденія должно встрѣтиться съ неодолимыми препятствіями. Но если бы даже существовала какая-либо отвѣтственность in abstracto за акты государственнаго управленія, то она-де немыслима тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о «военномъ» вредѣ, какъ не отвѣчаетъ государство за простой разбой и грабежи, наводненіе и другія приключенія внутри государства. Въ частности, что такое, напр., истребленіе, имущества, могущаго быть полезнымъ непріятелю, при приближеніи послѣдняго? Оно равносильно, говорятъ, уничтоженію предметовъ, которымъ угрожаетъ вспыхнувшій пожаръ: за все, пожираемое огненной стихій и нарочито уничтожаемое въ виду этой стихіи, ни частныя лица, ни государство отвѣтственности не несутъ.

Всѣ эти разсужденія оказываются, однако, весьма мало убѣдительными.

Въ докладѣ уже было упомянуто, что, несмотря на идею суверенитета, отвѣтственность государства въ дѣйствительности существуетъ и притомъ какъ состояніе правовое: она не отклоняется государствомъ во многихъ сферахъ. Но дѣло въ томъ, что самая идея суверенной безотвѣтственности государства и государственной власти является пережиткомъ старыхъ

политическихъ воззрѣній, въ силу которыхъ высшая власть въ государствѣ, олицетворяемая въ образѣ неограниченныхъ правителей, считалась непогрѣшимой во всѣхъ отношеніяхъ. Основанныя на представленіяхъ о божественномъ происхожденіи власти, воззрѣнія эти, мало-по-малу, теряютъ свое философское обоснованіе, а тѣмъ болѣе непригодны въ настоящее время для правно-практическихъ выводовъ. Нынѣшнее государственное верховенство перестало быть той атмосферой высшаго давленія, въ которой безвозвратно гибнутъ и таютъ права частныхъ лицъ. Впрочемъ, исторія свидѣтельствуетъ, что и въ прежнія эпохи, во времена самаго глубокаго деспотизма, признавалась нерѣдко нужнымъ возмѣщеніе индивидууму вреда, причиненнаго ему государствомъ. Это имѣло мѣсто, именно, при убыткахъ отъ военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ государствомъ. Но право гражданина терпѣло здѣсь умаленіе по разнымъ причинамъ и, между прочимъ, по тому соображенію, нашедшему свое обоснованіе у Гуго Гроція, что необходимо, чтобы гражданинъ ретивѣе защищался противъ врага, ut sua quisque acrius defendat. Невознаградимость вреда должна была явиться тѣмъ политическимъ стимуломъ, который окрыляетъ гражданина на стремительную борьбу съ нападающимъ врагомъ. Съ теченіемъ времени усвоили въ Европѣ ту мысль, что война ведется между государствами, а не между частными

лицами. Истина, провозглашенная Руссо о томъ, что «война есть отношеніе государства къ государству, а не человѣка къ человѣку«, начала господствовать въ сознаніи европейскаго общества, давая огромные юридическіе и моральные плоды. Заставлять частныхъ лицъ нести непосредственное бремя борьбы во имя защиты своихъ правъ стало уже чѣмъ-то неприличнымъ для такой высокой организаціи, какой является правовое государство. Если въ прежнее время высоко цѣнилось личное сопротивленіе гражданина воинскому натиску врага, то оно понизилось въ своемъ практическомъ значеніи впослѣдствіи, съ измѣненіемъ самыхъ условій борьбы, необычайно выросшей въ размѣрахъ, изобрѣтеніемъ дальнобойныхъ орудій и пр., и пр. Гораздо большую цѣнность пріобрѣла готовность мирнаго жителя не сохранить во что бы ни стало, а уничтожить свое имущество передъ лицомъ надвигающагося врага. Стали иначе смотрѣть на задачи государства; армія сдѣлалась представительницей народа, а не правителя, война перестала быть династической; въ иномъ свѣтѣ явились права гражданъ [1]).

---

[1]) Хотя англійскій король до сихъ поръ говоритъ въ оффиціальныхъ актахъ „моя война“, „мои враги“, но это имѣетъ условный и формальный характеръ, вполнѣ понятный каждому, кто знакомъ съ духомъ англійскаго правленія. Нѣсколько иначе звучатъ слова императора Вильгельма II „моя мобилизація“, „мои войска“. См. С. Г. Черчъ, Америка о войнѣ (отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ), 1915 г., стр. 17, который по этому поводу замѣчаетъ: „Придетъ время, и будемъ надѣяться, что оно при-

Еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка во Франціи Національнымъ Конвентомъ былъ изданъ декретъ о государственномъ вознагражденіи пострадавшихъ: вознагражденіе выдавалось потерпѣвшимъ отъ враговъ «внѣшнихъ и внутреннихъ», т. е. какъ отъ военныхъ дѣйствій, такъ и отъ внутреннихъ безпорядковъ и возстаній,—aux citoyens qui ont éprouvé des pertes par l'invasion et les ravages des ennemis de l'exterieur et des rebelles de l'interieur de la republique. Это— знаменитый декретъ отъ 4 марта 1794 года. Нѣсколько ранѣе этого декрета изданъ былъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ постановленій по поводу вознагражденія, но всѣ они стояли на точкѣ зрѣнія «вспомоществованія», какъ напр., законъ 11 августа 1792 г., назначавшій уплаты въ такомъ количествѣ que la situation du Trésor publique permettra d'accorder. Декретъ 4 марта 1794 г. разомъ отмѣнилъ всѣ эти палліативы и фиксировалъ истинную обязанность государства и право гражданина. По

детъ скоро, когда короли не будутъ „мобилизоваться" и воевать съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ дѣти играютъ въ солдатики". Опредѣленно и ясно резюмируетъ завершеніе идеальнаго взгляда на войну въ нынѣшнее время въ правовомъ государствѣ Jèse, op. cit., p. 20—21: ll n'y a au XX-me siècle que des guerres nationales. Les gouvernements qui dirigent ces guerres sont des gouvernements de défense nationale, comprenant les répresentants de tous les parties politiques: un seul coeur, une seule âme! tous pour la patrie! C'est dans l'interêt de tous et non pas de quelques-uns que la lutte est poursuivie avec une armée nationale et un gouvernement national". И далѣе: „A l'idée de guerre nationale doit correspondre l'idée de sacrifice national et non pas individuel, de reparation nationale".

общему мнѣнію, онъ является прототипомъ тѣхъ нормъ, которыя вводятся въ настоящее время во Франціи, съ тою только отличительной особенностью, что имъ устранялась при опредѣленіи права и размѣра юрисдикція судовъ, благодаря общему къ нимъ недовѣрію, о которомъ въ настоящее время во Франціи не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Само собою разумѣется, что въ эпохи реакцій вновь выдвигалось ученіе о «безотвѣтственности суверенитета», и начала декрета 4 Марта 1794 г. предавались забвенію. Ордонансы Государственнаго Совѣта стали отвергать право на вознагражденіе, находя, что мѣры, принимаемыя военными властями, суть — «les simples actes de prevoyance» (ордонансъ 26 Марта 1823 г.), что отъ врединосныхъ послѣдствій этихъ мѣръ освобождаетъ принципъ de l'irresponsabilité de la souverenité et de la puissance publique. Этотъ принципъ вмѣстѣ съ такъ называемой «теоріей государственныхъ актовъ», la théorie des actes de Gouvernement, поддерживались въ эпоху франко-прусской войны крупными государственными авторитетами, какъ Laferrière, Thiers и др. Государственное возмѣщеніе—грозили въ Національномъ собраніи—будетъ «дамокловымъ мечемъ, висящимъ надъ казной», «шагомъ въ неизвѣстность». Все это привело къ лишенію пострадавшихъ отъ событій 1870—1871 г.г. во Франціи справедливаго и полнаго возмѣщенія: законъ изданъ

не былъ, а въ рѣшеніяхъ Государственнаго Совѣта, прибравшаго все дѣло въ свои руки, господствовало начало суверенной безотвѣтственности. Казна обогатилась: сбережено было 200—300 милліоновъ франковъ [1]) насчетъ разоренныхъ и обездоленныхъ.

И только въ послѣднее время обязанность государства и право гражданина въ дѣлѣ возмѣщенія вреда въ полной мѣрѣ сознано во Франціи [2]). Расширены всѣ области отвѣтственности государства, введена, закономъ 1914 г., обязанность государства покрывать убытки, причиненные частнымъ лицамъ при возстаніяхъ—emeutes—при чемъ оффиціально провозглашено, что государство беретъ на себя репарацію «соціальнаго риска».

Въ нынѣшнюю войну эта идея возмѣщенія выходитъ на свѣтъ Божій возрожденной и очищенной, вызывая общественный энтузіазмъ во всей Франціи. «Вознагражденіе за убытки, причиненные настоящей войной»,—говоритъ Franaud Faure—«есть несомнѣнно національное дѣло первостепенной важности: оно требуется такъ же, какъ и освобожденіе территоріи, чему оно будетъ естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ» [3]). Правда, окончательный

---

[1]) Barthélemy, op. cit., p. 217.

[2]) Barthélemy, 210, Michoud, La théorie de la personalité moral, II, 1909, p. 263.

[3]) Révue Politique et Parlementaire, Mai 1915, p. 1991. Нынѣшнее движеніе начато во Франціи Louis Marin'омъ, депутатомъ отъ Meurthe-et-Moselle, предложившимъ Палатѣ депутатовъ еще въ іюнѣ 1914 г. нѣсколько своеобразный

результатъ и теперь еще не достигнутъ: декретъ 4 Февраля 1915 г., изданный во исполненіе провозглашенной воли народныхъ представителей, говоритъ объ учрежденіи для оцѣнки вреда особыхъ административныхъ комиссій, кантональныхъ и высшихъ [1]. Устранена пока чисто-судебная форма разбирательства. Недостаточно рельефно выговаривается самое «право», такъ какъ неизвѣстно, будетъ ли droit à réparation правомъ на дѣйствительное вознагражденіе или же на участіе въ тѣхъ суммахъ, которыя отпуститъ государство. Но французскіе юристы горячо вѣруютъ, что ближайшее же будущее разсѣетъ всѣ сомнѣнія, что создано будетъ истинное право на полное вознагражденіе, réparation integrale, и что дѣла будутъ окончательно переданы въ руки судовъ [2].

проектъ закона о вознагражденіи государствомъ пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій, вражескихъ реквизицій и пр. См. текстъ этого проекта въ L'Economiste Français, 12 Décembre 1914. Вспыхнувшая война помѣшала обсужденію этого проекта въ нормальномъ порядкѣ. Передъ декабрьской „военной" сессіей французскаго парламента зачаточная идея Marin'a получила крупную поддержку и прочное обоснованіе въ печати, особенно экономической.

1) Составъ этихъ комиссій уже опредѣленъ: въ Commission Supérieure засѣдаютъ, по министерскому декрету 9 апрѣля 1915 г., между прочимъ, 5 членовъ парламента, сенаторы, депутаты. О политическомъ характерѣ этой комиссіи см. Faure, cit., 200.

2) По мнѣнію проф. Barthélemy, cit., p. 203, есть средство къ которому должны прибѣгнуть во Франціи для придачи силы и значенія праву на вознагражденіе: „ce moyen c'est l'action en justice". Точно также Jèse, p. 74, замѣчаетъ: Il est impossible qu'un juge ne soit pas appelé à statuer. Ce sera au Parlement à le désigner. Тоже проф. Laurende, пре-

Вмѣстѣ съ французскими юристами возлагаемъ и мы надежды на будущее,—наше будущее. Поймутъ и у насъ, что государственная обязанность въ данномъ случаѣ вытекаетъ изъ самой природы правового государства, что всѣ ссылки на «верховное право государства» въ отношеніи имуществъ гражданъ являются анахронизмами, отжившими свой вѣкъ. Эти ссылки въ настоящее время могутъ даже звучать въ устахъ нѣкоторыхъ, какъ фразы, подъ которыми скрывается простое нежеланіе вернуть невинно потерпѣвшему его право...

Если, такимъ образомъ, отвергнуть это генеральное соображеніе о сувернитетѣ, то съ остальными возраженіями юридическаго характера въ пользу государственной безотвѣтственности, думаемъ, еще легче будетъ справиться. Такъ, безотвѣтственность государства за разбой и грабежи свидѣтельствуетъ лишь объ отсутствіи у государства обязанности возмѣщать вредъ отъ *обычныхъ* и приключеній... Не отвѣчаетъ государство и за наводненіе etc. потому, что это—естественныя явленія природы, предупрежденіе которыхъ даже не входитъ въ кругъ прямыхъ обязанностей государства. Можно ли затемнять вопросъ о государственномъ вознагражденіи ссылками

зидентъ Національнаго Комитета по возмѣщенію вреда отъ военныхъ дѣйствій, горячо протестующій противъ пункта объ исключеніи судебнаго разбирательства, который устраняетъ, по его мнѣнію, все, что есть наилучшаго въ идеѣ возмѣщенія военныхъ убытковъ. См. Révue Politique et Parlement. Juin 1915, p. 438.

на «разбой» и «наводненія», не значитъ ли это отводить вниманіе искусственно въ другую сторону? Если же имѣютъ въ виду сказать, что отвѣтственность не можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ начинается область чрезвычайныхъ событій и дѣйствій, то насъ, стало быть, приглашаютъ заняться вопросомъ о форсъ-мажорѣ, о чемъ рѣчь уже была: къ этому возвращаться не станемъ[1]).

1) Отмѣтимъ лишь, что весьма энергично отвергаютъ ссылку на force majeure въ данномъ случаѣ французскіе юристы. Указывая на то, что государственное вознагражденіе основывается на принципѣ равенства передъ государственными обязанностями и на началѣ такъ называемаго соціальнаго риска, Barthélemy дѣлаетъ выводъ: „La force majeure peut servir à annihiler une responsabilité pour faute, elle ne peut exclure une responsabilité pour risque social, fondée sur l'equité... Même si les dommages de guerre pouvaient être assimilés à des dommages de force majeure, ils donneraient naissance à un droit à réparation contre l'État. Это потому, что рѣчь идетъ о государственной обязанности, вытекающей изъ принципа равенства гражданъ передъ государственными обремененіями, и отсутствіе или наличность вины здѣсь во вниманіе не принимается. Но, замѣчаетъ далѣе Barthélemy, военные убытки не относятся къ категоріи ущерба отъ f. m. „La force majeure ou le cas fortuit c'est la foudre, le tremblement de terre, l'inondation, c'est-a-dire ce sont des faits completement étrangers à l'organisation politique, à la volonté et à l'existence de l'Etat. Il en est tout differement de la guerre qui est au contraire une des manifestations le plus caracteristiques de la vie de l'Etat, cit., p. 212, 213. Справедливо указаніе Gaston Jese'a cit, 34, что апелляціей къ force majeure въ настоящемъ случаѣ хотятъ вновь убѣдить въ пригодности давно уже дискредитированнаго, въ качествѣ всеобщаго начала, принципа, что гибель вещи падаетъ на хозяина, res perit domino. Сюда же относится приведенное выше сравненіе судьбы имущества, погибшаго во время военнаго боя, съ уничтоженіемъ предметовъ, въ виду угрожающаго имъ огня отъ разразившагося пожара: губятъ наши воины, губитъ непріятель, это неизбѣжно, и результатъ неизбѣжности долженъ нести собственникъ! Само собой разумѣется, что уподобленіе уже потому неправильно, что война сознательно вызывается

Прочія возраженія касаются, собственно, не столько правовой природы вопроса, сколько другихъ его сторонъ: соціальной, экономической и т. д.

Въ этомъ отношеніи замѣчанія противниковъ государственнаго вознагражденія, сами по себѣ, могутъ имѣть свое значеніе, но не колеблютъ существа нашего института. Ссылаются на то, что государственное вознагражденіе за «военные» убытки могло бы создать соціальное неравенство въ отношеніи прямыхъ защитниковъ родины, не получающихъ имущественнаго возмѣщенія за увѣчья, раны (и смерть — въ лицѣ ближнихъ), что жители окраинъ, обыкновенно первые подвергающіеся военной опасности (какъ это и происходитъ у насъ въ эту войну), должны быть къ ней готовы, подобно тому, какъ переѣхавшій на житель-

---

и создается... Но дѣло въ томъ, что, по принципамъ современнаго права, начало res perit domino вовсе не находитъ безусловное примѣненіе, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общемъ вредѣ. Послѣдній подлежитъ скорѣе распредѣленію, чѣмъ переложенію на одно лицо, хотя бы это и былъ dominus: не всегда и не все на плечи dominus'a. Можно указать, напр., на 309 ст. внесеннаго въ Государственную Думу проекта Обязательнаго Права, по которой, въ случаѣ гибели всего урожая на нанятомъ участкѣ, причиненной отъ непредотвратимаго стихійнаго бѣдствія, наниматель вправѣ требовать соразмѣрной сбавки наемной платы, такъ что вредъ дѣлится между владѣльцемъ участка (наймодателемъ) и хозяиномъ урожая (нанимателемъ). Ср.. Jése, 34; тамъ же ссылка на аваріи, большія и малыя и пр. Почему бы въ самомъ дѣлѣ считалось справедливымъ распредѣленіе убытковъ отъ преданія въ жертву водной стихіи предметовъ даннаго dominus'a при аваріи, въ цѣляхъ спасенія корабля, и несправедливымъ распредѣленіе убытковъ отъ военной стихіи? Нѣтъ ли тутъ нѣкотораго сходства?

ство изъ села въ городъ не можетъ претендовать на безопасность и спокойствіе деревенской глуши и пр., что для потерпѣвшихъ отъ войны областей требуются общія мѣры подъема экономическаго благосостоянія, гораздо болѣе эффективныя и имѣющія гораздо болѣе raison d'être, чѣмъ государственное вознагражденіе отдѣльныхъ лицъ, и т. д., и т. д. Все это, тѣмъ не менѣе мало говоритъ уму, въ настоящемъ случаѣ, и бьетъ мимо цѣли. Кто, напр., станетъ отрицать, что необходимо обезпечить надлежащимъ образомъ судьбу раненыхъ на войнѣ и ихъ семей, какъ и семей погибшихъ? Но развѣ это вопросъ государственнаго вознагражденія въ техническомъ смыслѣ? Жертвовать своей жизнью и здоровьемъ въ борьбѣ съ государственнымъ врагомъ, въ минуты вспыхнувшей военной опасности, долгъ и юридическая обязанность опредѣленной категоріи лицъ, призываемыхъ къ тому закономъ, по извѣстной, заранѣе установленной системѣ. Это—обязанность общая и равная. Но нельзя требовать такихъ же лишеній отъ мирныхъ жителей. Первыхъ государство должно вознаграждать, однако не по началамъ индемнизаціи, а по принципамъ вознагражденія за службу, — пенсіями и пр., вторые имѣютъ право на возмѣщеніе вреда [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ, попутно, что при опредѣленіи въ законѣ пенсій и пособій слѣдуетъ считаться не только съ моментомъ полученія воиномъ раны или увѣчья, но и съ возможными въ будущемъ послѣдствіями. Если смерть рабо-

Заставлять мирныхъ жителей нести наряду съ комбатантами особыя жертвы въ пользу воюющаго государства—значитъ извратить всѣ перспективы современной войны, съ одной стороны, и правъ гражданина, съ другой.

Возможно ли спорить противъ такихъ средствъ соціальнаго улучшенія, какъ выдача суммъ на обсѣмененіе разоренныхъ полей, на возстановленіе зданій, на усиленіе экономическихъ позицій, ослабленныхъ войной, и т. д., или противъ того, что въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 іюля 1915 г. названо было «пріисканіемъ мѣръ къ скорѣйшему возстановленію разрушеннаго благосостоянія нашихъ окраинъ»? Но и это не «государственное вознагражденіе», какъ не относятся къ нему мѣры государственной благотворительности, имѣющія въ основѣ также обще-государственныя цѣли. Ни способы, ни предѣлы использованія выданныхъ капиталовъ не могутъ быть обусловлены при государственномъ вознагражденіи, что обычно бываетъ при мѣрахъ «соціальной за-

---

чаго на заводѣ стоитъ въ нѣкоторой связи съ прежде полученной имъ раной на войнѣ и семья его по этой причинѣ не можетъ добиться отъ завода полнаго возмѣщенія убытковъ, то она должна имѣть право претендовать на соотвѣтственную долю пенсіи. Иначе получится такое положеніе вещей, что либо пострадавшіе лишены будутъ надлежащаго удовлетворенія, либо предприниматели откажутся принимать на работы контуженныхъ и раненыхъ. Но это — вопросы правильной организаціи военныхъ пенсій и выдачъ.

щиты» и «благотворенія», когда государство предопредѣляетъ, что деньги должны итти на постройку зданій и заводовъ, на покупку орудій производства, сырья и т. д. Да и вообще справедливо ли, позволительно ли прибѣгать къ мѣрамъ соціальнаго улучшенія на счетъ потерпѣвшихъ и разоренныхъ? Это привело бы къ разрѣшенію соціальнаго вопроса aux frais des victimes de faits de guerre [1]).

Точно также неосновательно ожидать отъ мирнаго жителя, кто бы онъ ни былъ, готовности нести ущербъ въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій въ его мѣстности, оказавшейся болѣе открытой, доступной и желанной для непріятеля. Если требуютъ

---

[2]) Jèse, cit, 12. Нельзя, впрочемъ, умолчать и отомъ, что на пути къ достиженію задачъ, поставляемыхъ т. наз. условнымъ вознагражденіемъ, встрѣчается, вообще, немало неодолимыхъ препятствій, что прикрѣпленіе пострадавшихъ къ ихъ старымъ разореннымъ хозяйственнымъ пунктамъ и позиціямъ часто невозможно, часто экономически вредно, особенно при настоящемъ грандіозномъ передвиженіи людей и капиталовъ. На возникающія въ этой области осложненія указалъ вполнѣ опредѣленно во Франціи проф. Парижскаго Университета по каѳедрѣ политической экономіи M. Truchu въ своемъ докладѣ по поводу государственнаго вознагражденія, сославшійся, между прочимъ, на примѣръ, когда престарѣлый владѣлецъ фабрики имѣлъ въ виду передать эксплоатацію ея своему единственному сыну, впослѣдствіи павшему въ бою съ непріятелемъ. При разрушеніи этой фабрики, въ связи съ военными дѣйствіями, можно ли желать, чтобы владѣлецъ вновь ее обстроилъ? Съ большой ясностью проф. Truchu демонструруетъ крайнюю трудность контроля со стороны государства надъ осуществленіемъ условія, подъ которымъ выдано вознагражденіе. См. Laurende, cit, 428. Обо всемъ этомъ я счелъ нужнымъ упомянуть, чтобы покончить со все еще не умирающей у насъ тенденціей смѣшивать право на вознаграждеціе съ его суррогатомъ—условными правительственными доброхотными даяніями.

усиленной осторожности отъ деревенскаго обитателя, переѣхавшаго въ городъ, если жизнь въ городѣ, представляющая больше культурныхъ удобствъ, таитъ въ себѣ, естественно, зерно бóльшихъ опасностей и съ этимъ приходится мириться, то совершенно непонятно, почему, напр., житель окраины долженъ терпѣть покорно разрушеніе его луговъ, недвижимаго и движимаго имущества только потому, что ему приходится жить не въ центрѣ, а въ сторонѣ. Или эта жизнь на окраинѣ a priori объявляется настолько соблазнительной въ мирное время, что въ дни войны можно поступиться удобствами и имуществомъ? На самомъ дѣлѣ между отдѣльными категоріями жителей разницу проводить въ данномъ случаѣ совершенно невозможно. Житель окраины подвергается военнымъ лишеніямъ лишь по простой случайности: онъ выноситъ на своихъ плечахъ общественное бѣдствіе, онъ—нашъ общій представитель, имѣющій право въ своихъ потеряхъ на соотвѣтстнующій регрессъ. Въ надеждѣ на этотъ регрессъ борется онъ съ государственнымъ врагомъ, думая объ осиленіи нападающаго, а не о своемъ имуществѣ. Компенсація въ данномъ случаѣ есть дѣло національной солидарности, находящей свой источникъ въ полномъ равенствѣ гражданъ,—началѣ, имѣющемъ въ настоящее время не только общегуманное, но и чисто практическое значеніе. Это—постулятъ, который французы называютъ

не безъ воодушевленія, principe de la fraternité et de l'égalité devant les charges de guérre.

Недаромъ во Франціи связываютъ идею этой компенсаціи съ величайшими соціальными пріобрѣтеніями культурнаго общенія.

Регуляторомъ этой національной солидарности и является государство. Дѣятельность государства не исчерпывается окончательно тѣми или иными, заранѣе установленными, функціями, и относить къ области государственныхъ отправленій такой актъ, какъ распредѣленіе отрицательныхъ матеріальныхъ послѣдствій общаго дѣла борьбы съ непріятелемъ, столь же естественно, какъ, vice versa, естественно для сердца разносить кровь по различнымъ частямъ организма.

Для цѣлей такого распредѣленія у государства имѣется немало средствъ.

Резюмируя, можно сказать, что теорія невознаградимости, на что бы она ни старалась опереться, представляется неубѣдительной и лишенной юридической почвы. Но она грозитъ также въ практическомъ отношеніи цѣлымъ рядомъ нежелательныхъ осложненій, не отвѣчаетъ утилитарнымъ потребностямъ государственной безопасности, отвергая то, что составляетъ одно изъ условій успѣшной борьбы съ врагомъ. Въ самомъ дѣлѣ, убѣдите потерпѣвшихъ и потерявшихъ, что жертвы ихъ невознаградимы: хватитъ ли въ такомъ случаѣ у нихъ въ достаточной мѣрѣ рѣшимости на уничтоженіе своего добра

въ виду непріятеля, не будетъ ли у многихъ соблазна оставлять нетронутымъ имущество въ надеждѣ, что оно будетъ пощажено врагомъ, не пробудится ли желаніе скрыть не только отъ непріятеля, но и отъ нашихъ войскъ пригодное для борьбы достояніе? Не произойдетъ ли упадокъ духа въ населеніи, столь вредный для общихъ цѣлей войны, при нашествіи непріятеля, цѣлью котораго часто является терроризированіе мѣстныхъ жителей перспективой имущественныхъ потерь? Не появится ли въ томъ центрѣ, гдѣ должно кипѣть неугасимое народное вдохновеніе для совмѣстной и объединенной работы противъ чуждой силы, — идущее отъ периферіи бродило раздраженія, неудовлетворенности и зависти однихъ къ другимъ? Вотъ надъ чѣмъ надо задуматься у насъ, какъ задумываются надъ этимъ повсемѣстно [1]). И слѣдуетъ сознаться, что, собственно, очень рѣдко слышатся у насъ убѣдительно звучащіе голоса противъ

[1]) Естественно, что и у насъ всякая мѣра, направленная къ успокоенію населенія обѣщаніемъ матеріальнаго вознагражденія, встрѣчается съ удовлетвореніемъ и сочувствіемъ. Таковъ указъ Верховнаго Главнокомандующаго, послѣдовавшій почти наканунѣ годовщины великой войны, о томъ, что при уничтоженіи, по военнымъ соображеніямъ, имущества, вслѣдствіе эвакуаціи мѣстности, „слѣдуетъ составлять акты, дабы населеніе могло получить по нимъ соотвѣтствующее вознагражденіе“ и что „точно также слѣдуетъ составлять акты при уничтоженіи посѣвовъ на корню“. Этотъ указъ, между прочимъ, напоминаетъ арміи, что уничтожать имущество позволительно лишь тогда, когда это признано безусловно необходимымъ, и предписываетъ принять самыя строгія и рѣшительныя мѣры къ прекращенію самовольнаго уничтоженія имущества мирнаго населенія войсками. См. „Рѣчь“, 18-го Іюля 1915 г., также 15 Августа 1915 г.

*

возмѣщенія: обыкновенно ограничиваются «сомнѣніями», ссылками на новизну дѣла. Даже многіе изъ противниковъ института вознагражденія вынуждаются, въ концѣ концовъ, признавать его, такъ или иначе, «въ принципѣ», пытаясь лишь подъ разными предлогами отдалить отъ себя, хотя бы временно, этотъ пугающій ихъ «призракъ» и въ глубинѣ души сознавая, что рано или поздно все же придется пойти на уступки, придется принять то, что давно уже стучится въ двери нашей государственной жизни...

Мы исчерпали, кажется, всѣ возраженія, дѣлаемыя и могущія быть сдѣланными у насъ по поводу государственнаго вознагражденія. И, тѣмъ не менѣе, есть еще одно обстоятельство, которое незримо сквозитъ въ разсужденіяхъ, составляя, повидимому, скрытый punctum movens возраженій многихъ несочувствующихъ и съ которымъ дѣйствительно нельзя было бы не считаться въ извѣстномъ отношеніи, съ точки зрѣнія фактическаго осуществленія права на государственное вознагражденіе. Это—вопросъ о возможности переобремененія государственной казны выдачей значительныхъ суммъ на удовлетвореніе потерпѣвшихъ.

Для государства-побѣдителя нетрудно ассигновать требуемый квантумъ въ пользу дѣла государственнаго вознагражденія, въ особенности, если имъ получена военная контрибуція отъ побѣжденнаго соперника. Труднѣе это сдѣлать государству, не увѣнчавшему успѣ-

хомъ своего въ борьбѣ съ врагомъ дѣла. Но и для побѣдителя и для побѣжденнаго одинаково, конечно, сохраняется обязанность полнаго вознагражденія. Система налоговъ и другихъ обложеній—это тотъ единственный путь, которымъ государство во всѣхъ случаяхъ, и при побѣдѣ и при неудачѣ, покрываетъ издержки по вознагражденію потерпѣвшихъ. Налоги могутъ оказаться даже тяжкими,—это не говоритъ противъ правъ потерпѣвшихъ, ибо матеріальная обременительность—вопросъ экономическій, а не юридическій.

Да и приходится ли вообще сводить все дѣло къ трудности и обремененіямъ? Если граждане несутъ на своихъ раменахъ всѣ суровыя послѣдствія войны, финансовыя, моральныя и юридическія, то нѣтъ уже особыхъ препятствій къ тому, чтобы возложить на нихъ дополнительное бремя распредѣленія между собою военныхъ убытковъ, доставшихся на долю однихъ, но по существу упадающихъ на всѣхъ. Государству трудно нести эти убытки... а развѣ легче ихъ носить отдѣльнымъ областямъ или лицамъ? Справедливо усматриваютъ въ этихъ ссылкахъ на экономическое затрудненіе желаніе свалить то, что составляетъ общій грузъ, общій долгъ, на спины однихъ и нѣкоторыхъ.

Есть и другіе мотивы существеннаго свойства, которые необходимо принять во вниманіе въ данномъ случаѣ,—именно:

1) Подлежащій возмѣщенію ущербъ, хотя и великъ, но, можно думать, не столь уже огроменъ, какъ это рисуется по внѣшнему впечатлѣнію. У насъ не имѣется даже приблизительныхъ подсчетовъ, однако позволительно сослаться на примѣръ хотя бы Франціи. Въ послѣдней матеріальнаго убытка отъ войны не меньше, чѣмъ у насъ, напротивъ, даже, несомнѣнно, больше, ибо германскія войска, въ занятыхъ французскихъ областяхъ подвергаютъ часто все огню и мечу, не только какъ воины, но и какъ конкурренты, заинтересованные въ экономическомъ ослабленіи соперника. Между тѣмъ, по вычисленіямъ авторитетныхъ изслѣдователей, оказывается, во всякомъ случаѣ, что рѣчь идетъ о суммахъ, вполнѣ пріемлемыхъ для государства, а ссылки на «милліарды» лишены почвы [1]);

2) Жизнь свидѣтельствуетъ, что при всякомъ исходѣ войны вознагражденіе приходиться выдавать потерпѣвшимъ, какъ бы ни относиться бережно къ государственнымъ финансамъ. Оно выдавалось послѣ Японской войны у насъ, послѣ Прусской войны—во Франціи [2]). И спрашивается: отпускаемое въ

---

1) См. Jèse, 45. Leroy-Beaulieux полагаетъ, что убытки не должны превышать за 1914 г. 680 — 800 милліоновъ франковъ. Съ этимъ, въ общемъ, согласны другіе экономисты, теоретики и практики, какъ Mouchel etc.

2) Замѣтимъ, что естественный характеръ этого вознагражденія нашелъ себѣ отраженіе и въ нормахъ международнаго права. По смыслу Отд. 3 Приложенія къ Гаагской конвенціи 18 октября 1907 г. „О законахъ и обычаяхъ войны", воюющая сторона отвѣчаетъ за акты, совершенные лицами,

видѣ «вспомоществованія» административными властями дѣйствительно ли настолько ниже того, что пришлось бы выдать при признаніи «права» на вознагражденіе? Несомнѣнно, что все дѣло въ надлежащей организаціи удовлетворенія и въ томъ, чтобы суммы поступали къ тѣмъ, которые на самомъ дѣлѣ имѣютъ право. Послѣднее не столь безпредѣльно, какъ безпредѣленъ произволъ. Въ этомъ случаѣ вновь подтверждается важность ограниченія, какими бы то ни было средствами, правомочій административныхъ учрежденій, подверженныхъ, какъ хорошо извѣстно, многообразнымъ вліяніямъ. Денежный ящикъ, находящійся въ рукахъ административнаго органа, столь часто вызываетъ въ обывателѣ представленія, иногда ложныя, часто правильныя, о легкомъ доступѣ при помоши связей и вліяній: къ этому ящику тянутся у насъ званные и незванные [1]).

Но центръ вопроса все-таки въ томъ, чтобы утвердить право потерпѣвшаго, не ставя

принадлежащими къ составу ея арміи, въ нарушеніе правилъ объ охранѣ личности и имущества не-воюющихъ. Но кто управомоченъ требовать этого возмѣщенія? Юриспруденція правильно разрѣшаетъ это въ томъ смыслѣ, что субъектомъ даннаго права является одно государство въ отношеніи другого, а не частныя лица, самостоятельнаго права требованія не имѣющія.

[1]) Впрочемъ, не только у насъ. См. пессимистическія разсужденія объ административныхъ коммиссіяхъ во Франціи Jèse'a, 45—50. Этотъ глубокій государствовѣдъ твердо убѣжденъ (мы это убѣжденіе вполнѣ раздѣляемъ), что система административной „помощи", droit au secours, можетъ отнять у государства больше средствъ и притомъ непроизводительныхъ, чѣмъ установленіе „права".

его въ зависимость отъ средствъ обязаннаго. Государство, умѣющее выходить изъ затрудненія при всякихъ приключеніяхъ и случайностяхъ, не впадетъ въ роковое положеніе отъ необходимости разсчитаться нѣкоторыми суммами со своими новыми кредиторами, потерпѣвшими отъ военныхъ бѣдствій, было бы только желаніе признавать чужое притязаніе тамъ, гдѣ имѣется для этого юридическое и соціальное основаніе, ставить на первое мѣсто не свои удобства и выгоды, а право и справедливость.

* * *

P.S. Во время печатанія настоящей книжки внесено въ Государственную Думу и уже принято финансовой комиссіей законодательное предположеніе о вознагражденіи за убытки, причиненные войной. Оно возникло по инициативѣ членовъ Думы, а не правительства: послѣднее относится пока еще не очень благожелательно ко всякимъ начинаніямъ въ этой области. Нельзя сказать, чтобы думскій законопроектъ вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ запросамъ, какіе предъявляются переживаемымъ моментомъ. Если съ точки зрѣнія оффиціальной проектъ грѣшитъ тѣмъ, что возлагаетъ на государство «лишнія» финансовыя «тяготы», то съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ правовыхъ нуждъ въ немъ, наобо-

ротъ, замѣчается слишкомъ слабая рѣшительность и недоговроенность. Законодательное предположеніе, въ общемъ, стоитъ на точкѣ зрѣнія проекта, выработаннаго еще весною Экономическимъ Совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ, нынѣ закрытымъ по распоряженію властей. Послѣднее, хотя и дѣлало нѣкоторые шаги въ данномъ вопросѣ въ сторону новыхъ воззрѣній, но недостаточно прониклось всею важностью проблемы и готовило намъ, все же, только полумѣру[1]).

То, что убытки должны были опредѣляться исключительно административными комитетами, что размѣръ выдаваемыхъ суммъ ставился въ зависимость отъ «состоянія средствъ государственнаго казначейства», что

[1]) Проектъ этотъ гласилъ: 1. Русскіе подданные, за исключеніемъ выходцевъ изъ Германіи, Австро-Венгріи и Турціи, подошедшихъ подъ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 2 Февраля 1915 года, положенія Совѣта Министровъ о прекращеніи землевладѣнія и землепользованія означенныхъ выходцевъ въ приграничныхъ мѣстностяхъ, а также составленныя изъ таковыхъ же русскихъ подданныхъ товарищества и акціонерныя общества имѣютъ право на возмѣщеніе, изъ средствъ государственнаго казначейства, происшедшихъ непосредственно отъ военныхъ дѣйствій въ войну съ названными державами убытковъ въ недвижимомъ и движемомъ ихъ имуществѣ, находящемся въ предѣлахъ мѣстностей, гдѣ происходили военныя дѣйствія. 2. Въ цѣляхъ справедливой оцѣнки означенныхъ въ отдѣлѣ 1 убытковъ образуются мѣстные комитеты и для руководства ихъ дѣятельностью учреждается въ городѣ Петроградѣ Главный Комитетъ. 3. Размѣръ суммъ, которыя, по состоянію средствъ государственнаго казначейства, окажется возможнымъ ассигновать на возмѣщеніе упомянутыхъ выше убытковъ, постепенность возмѣщенія ихъ отдѣльнымъ разрядамъ владѣльцевъ и порядокъ выдачи имъ вознагражденія подлежатъ опредѣленію въ особомъ законѣ.

устанавливались «постепенность возмѣщенія» и дѣленіе потерпѣвшихъ на «разряды», — все это и многое другое въ этомъ проектѣ обличали старый пріемъ «снисходить» къ нуждамъ потерпѣвшаго обывателя, безъ того, чтобы признать за нимъ дѣйствительно прочное, законченное притязаніе на возмѣщеніе. Думскій законопроектъ, идя по этому пути, въ нѣкоторомъ отношеніи еще болѣе ухудшилъ положеніе вещей [1]).

Въ текстѣ думскаго законопроекта опущено, правда, упоминаніе о разрядахъ потерпѣвшихъ и пр. Но зато въ немъ говорится уже не о «правѣ» на вознагражденіе, а только о «выдачѣ вознагражденія». Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ вся

---

[1]) Вотъ содержаніе думскаго законопроекта:

„1. Лицамъ, учрежденіямъ, товариществамъ и обществамъ, понесшимъ въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ прямые убытки отъ военныхъ дѣйствій или въ связи съ таковыми, или отъ передвиженій войскъ въ районѣ военныхъ дѣйствій выдается вознагражденіе изъ государственныхъ средствъ. 2. Вознагражденіе будетъ выдаваться на основаніяхъ, которыя должны быть выражены законодательнымъ путемъ. 3. Помощь не распространяется на подданныхъ воюющихъ съ Россіей державъ. 4. Для производства оцѣнки убытковъ образуются особые комитеты, а для руководства ихъ дѣятельностью учреждается въ Петроградѣ главный комитетъ. 5. Причитающіяся потерпѣвшимъ въ возмѣщеніе ихъ убытковъ суммы ассигнуются по состоянію государственныхъ средствъ, въ счетъ суммы оцѣнки всѣхъ видовъ убытковъ, до утвержденія оцѣнки главнымъ комитетомъ, выдаются потерпѣвшимъ авансы, необходимыя на возстановленіе жилищъ, хозяйствъ и торгово-промышленныхъ заведеній. Въ исключительныхъ случаяхъ лицамъ, особо нуждающимся, могутъ быть выдаваемы авансы и въ большемъ размѣрѣ“.

суть именно въ деклараціи права: въ этомъ новизна, въ этомъ гарантія. Да не подумаетъ кто-либо, что споръ идетъ о словахъ: «выдавать вознагражденіе» и «признавать право на вознагражденіе»—вещи совершенно различныя. Вознагражденіе за «военные» убытки выдавалось и раньше, выдавалось по Высочайшимъ повелѣніямъ и другимъ актамъ. Если бы и теперь выдача производилась на этихъ основаніяхъ, то общество весьма мало выиграло бы отъ подобнаго «нововведенія». Очевидно, имѣется въ виду не созданіе финансовой милости, не организація государственныхъ выдачъ, по принципу государственнаго благотворенія или иному подобному, а полное (réparation intégrale) и необходимое возмѣщеніе, фиксація правопритязанія, изъ котораго можно было бы вывести всѣ логическія и юридическія послѣдствія. Подтвержденія этой-то идеи мы въ думскомъ законопроектѣ, къ сожалѣнію, не находимъ. Именно принципъ «права» былъ провозглащенъ во Франціи. Точно также проектъ Экономическаго Совѣщанія говорилъ о «правѣ на возмѣщеніе», справедливо считая такое указаніе сердцевиной мѣропріятія. Думскій законопроектъ объ этомъ забылъ или, что еще хуже, умышленно закрылъ на это глаза. Настойчивое подтвержденіе проекта, что «причитающіяся потерпѣвшимъ въ возмѣщеніе ихъ убытковъ суммы ассигнуются по состоянію государственныхъ средствъ»,

вызываетъ немало опасеній. Быть можетъ, составители проекта желали отложить на время фактическую выдачу вознагражденія? Но прежде всего само собой ясно, что платежи будутъ производить не сейчасъ, а по окончаніи войны, о чемъ и можно было упомянуть въ проектѣ. Если же имѣется въ виду самый размѣръ вознагражденія поставить въ зависимость отъ «ассигновокъ», то насъ отбрасываютъ, стало быть, къ прежнимъ временамъ, къ старымъ взглядамъ, и тогда непонятно, почему такъ возражалъ въ комиссіи противъ проекта представитель Министерства.

Вообще, это упоминаніе о состояніи государственнаго казначейства и ассигновкахъ представляется довольно сомнительнымъ, чтобы не сказать болѣе, изобличающимъ половинчатость и робость... Не право гражданина должно приспособляться къ ассигновкамъ, а ассигновки къ его праву. Будетъ признано право, найдутся, должны найтись и средства, иначе въ чемъ же смыслъ «національнаго долга» и «національныхъ жертвъ»?

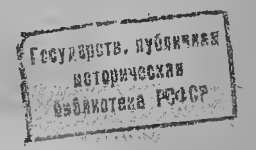
Можно было бы указать и на другіе дефекты законодательнаго предположенія, между прочимъ, на то, что имъ вознаграждается только вредъ въ «движимомъ и недвижимомъ имуществѣ» и, какъ будто, исключается вредъ, личный, причиненный жизни и здоровью. Почему за убитую шрапнелью лошадь выдавалось бы вознагражденіе и не

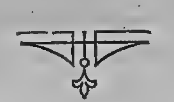
выдавалось бы за увѣчье, причиненное ея владѣльцу той же шрапнелью? Если не учитывается акономъ такъ называемый не-имущественный вредъ (préjudice moral), то, по крайней мѣрѣ, чисто матеріальный ущербъ, связанный для лица съ полученнымъ увѣчьемъ или для семьи съ потерей кормильца, долженъ найти соотвѣтствующее возмѣщеніе. Не проще ли было бы, поэтому, говоритъ о «прямомъ имущественномъ вредѣ»—и только?

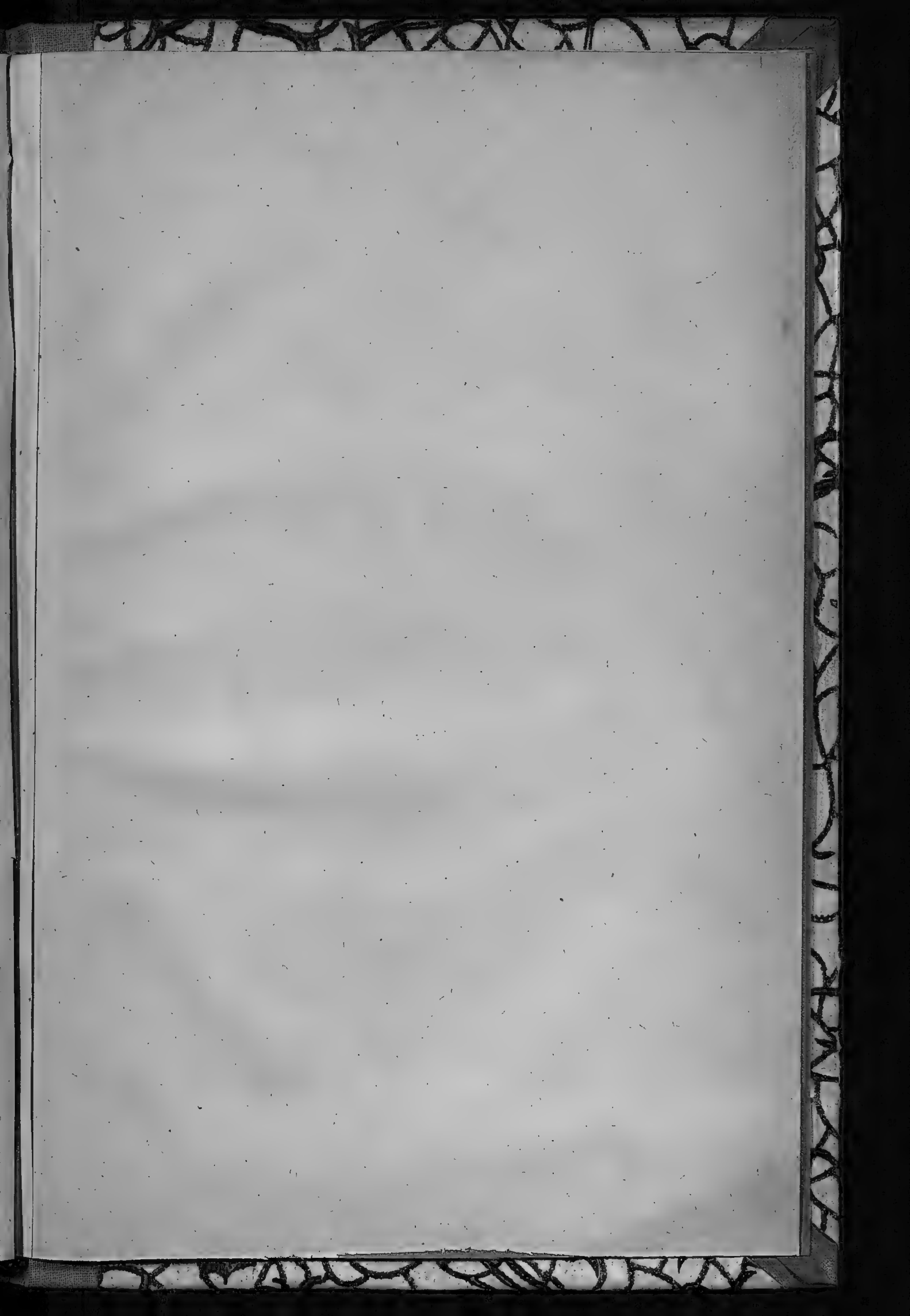
Думскій законопроектъ указываетъ на изданіе въ будущемъ еще особаго закона объ основаніяхъ, на которыхъ будетъ выдаваться вознагражденіе. Но этотъ дополнительный законъ коснется спеціальныхъ правилъ осуществленія нынѣ провозглашаемаго начала. Базисомъ для этихъ правилъ послужитъ теперешній законодательный актъ. Увы, этотъ законодательный актъ разсчитанъ, повидимому, только на «успокоеніе» населенія. Съ точки зрѣнія государственной и юридической онъ такъ мало удовлетворителенъ. Объ этомъ приходится тѣмъ болѣе жалѣть, что мы стоимъ въ данномъ случаѣ въ центрѣ такихъ проблемъ, гдѣ всякаго рода палліативы способны нерѣдко не ускорить, а замедлить усвоеніе и претвореніе въ жизнь соціально-важныхъ принциповъ справедливости и права.

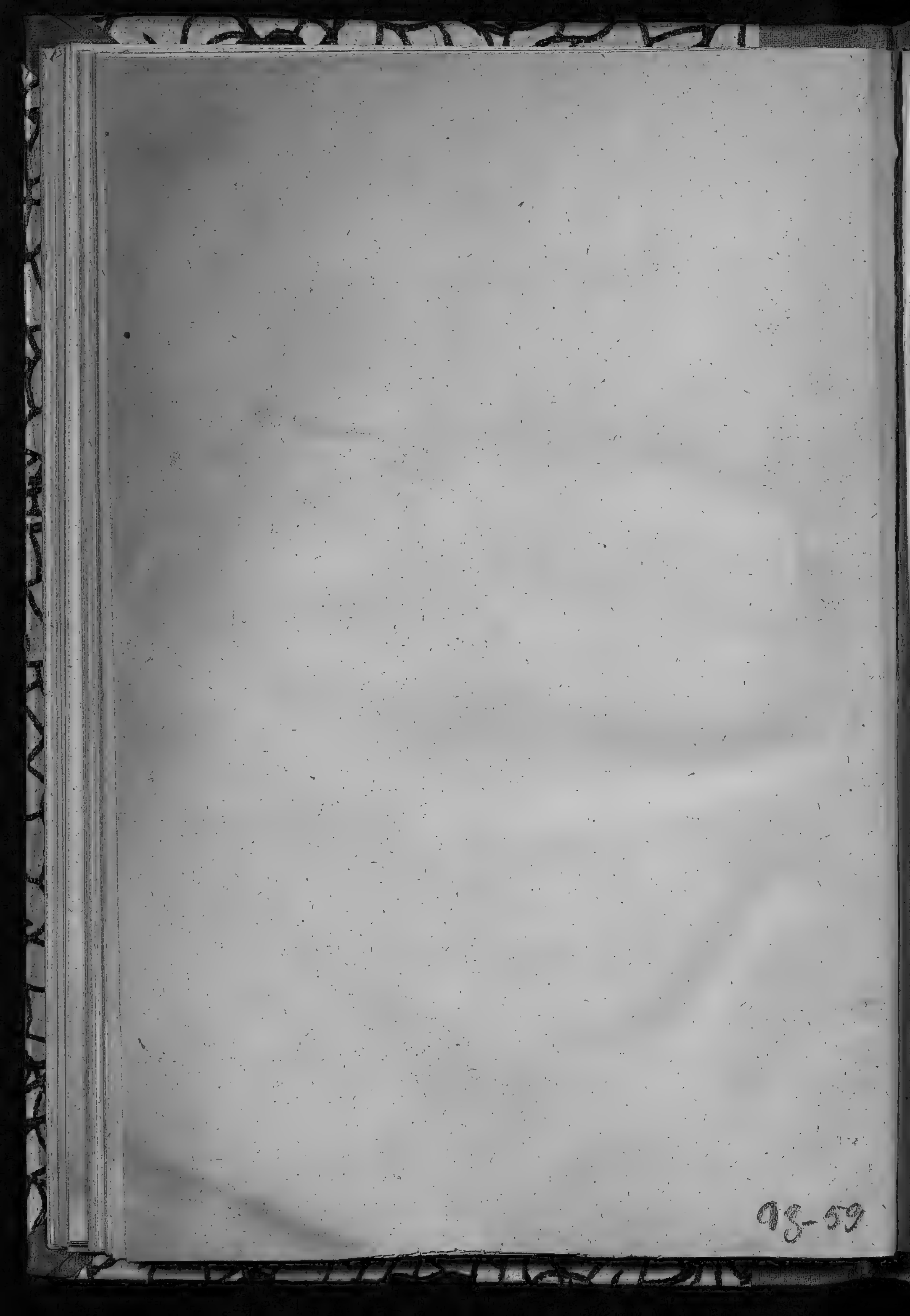
Кто дорожитъ этими принципами и ихъ эволюціей, а не временными цѣлями успокоенія (едва ли къ тому же достижимыми мало

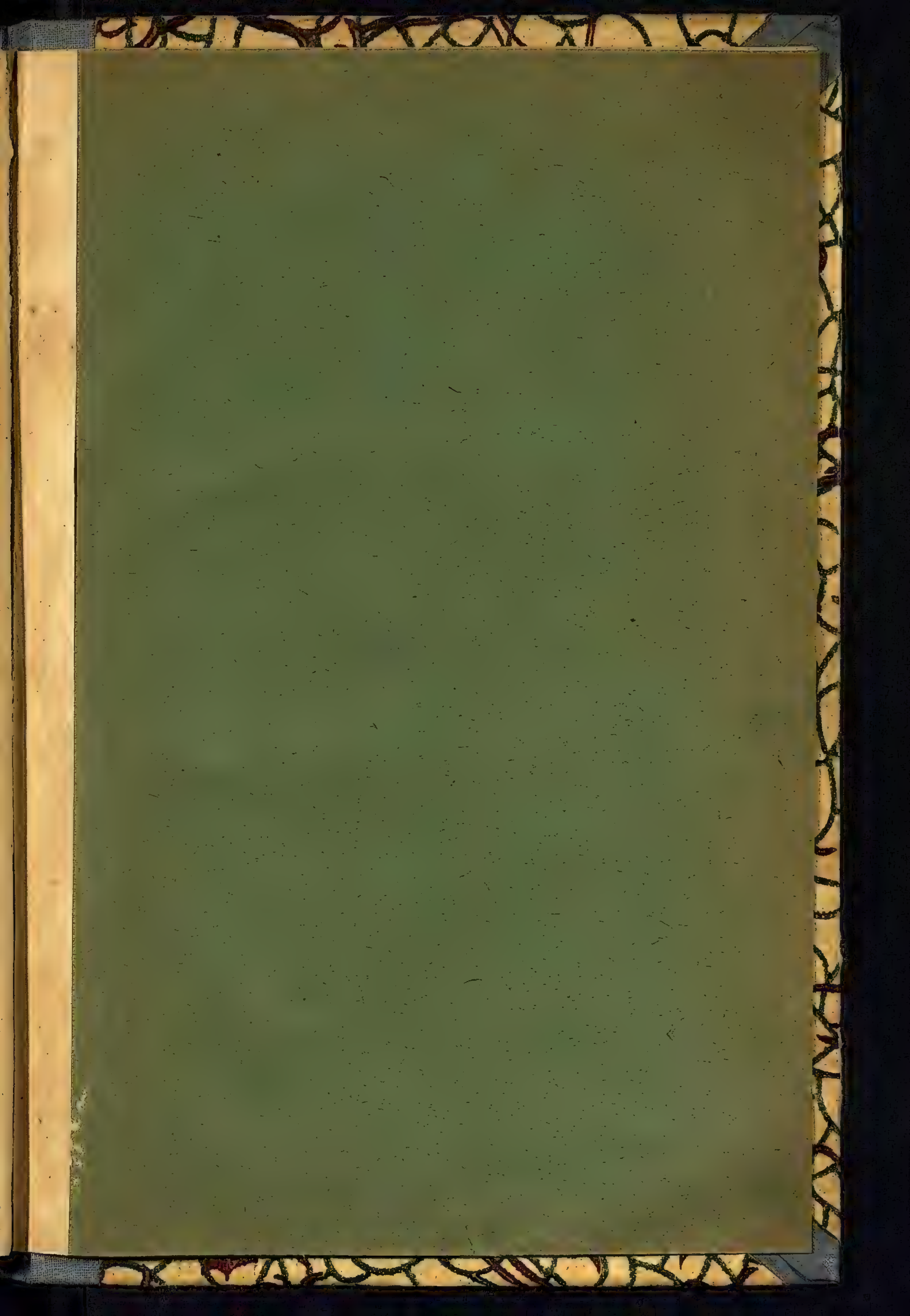
опредѣленными обѣщаніями), тотъ пойметъ, сколь много еще приходится работать у насъ надъ вопросомъ о правильной постановкѣ института государственнаго вознагражденія.

98-59

Цѣна 75 коп.

Того же автора.

Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ, 1912 г., ц. 1 р.

Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда, 1913 г., ц. 50 к.

Война и Правосудіе (къ вопросу о правовомъ положеніи подданныхъ воюющихъ государствъ), 1914 г., ц. 30 к.

Гражданскій оборотъ и война, 1915 г., ц. 75 к.

Складъ изданія при Юридич. книжномъ складѣ «Право»,
Петроградъ, Литейный, 28

